

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Коваль
**С ПЕРВОГО
ВЗГЛЯДА**

Алекс Коваль
С первого взгляда
Серия «Сильные чувства», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422161

SelfPub; 2022

Аннотация

Вы когда-нибудь любили до безумия? Так, чтобы до потери пульса и щемящей боли в груди? Я да.

Будучи еще маленькой девчонкой, влюбилась в мужчину гораздо старше меня. Один его взгляд и я потеряла голову.

Артем Стельмах – моя любовь и боль. Мужчина, который даже и не замечал миниатюрную блондиночку с голубыми глазами. Ровно до той ночи, когда я решила побыть законченной эгоисткой...

Я думала, что больше с отцом своего ребенка никогда не увижусь, но у судьбы на нас другие планы.

Чем закончится флирт на грани? Обрадуется ли мужчина наличию четырехлетней дочурки, так похожей на него? Да, к слову, и благословение родителей еще никто не отменял, а с ним явно будут проблемы...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Алия	4
Глава 2. Стельмах	8
Глава 3. Алия	15
Глава 4. Алия	22
Глава 5. Стельмах	27
Глава 6. Алия	38
Глава 7. Стельмах	47
Глава 8. Пять лет назад...	53
Глава 9. Алия	66
Глава 10. Стельмах	77
Глава 11. Стельмах	87
Глава 12. Алия	98
Глава 13. Стельмах	109
Глава 14. Алия	114
Глава 15. Стельмах	122
Глава 16. Стельмах	128
Глава 17. Алия	136
Глава 18. Алия	144
Глава 19. Стельмах	150
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Алекс Коваль

С первого взгляда

Часть 1

Глава 1. Алия

– Алия Дмитриевна, у нас проблемы.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула моя помощь и опора, мой секретарь – Катерина.

– Что еще у нас случилось? – устало выдохнула я, прикидывая в уме, когда уже это все закончится.

Ах, да! Никогда. Это же я. Жизнь у меня такая: пестрит и сияет.

– Группа «Холодный декабрь» устроила скандал в гримерной. Якобы не все условия райдера соблюдены.

– Что на этот раз не устраивает? Цвет занавесок не тот или официантки не улыбнулись? – пробурчала я, скидывая в сумку мобильный и подхватывая ключи от машины.

– Вода, – усмехнулась девушка, покручивая ручку в длинных наманикюренных пальчиках, – производитель не тот.

– Ясно. Позвони Димке и скажи, пусть делает что хочет, но эти ребята сегодня обязаны выступить в клубе. Иначе

неустойку спишу с него.

Я с грохотом задвинула ящик и схватила висящее на вешалке пальто.

Время медленно, но верно подбиралось к шести, а я еще даже не выдвинулась в сад за своей егозой.

Предчувствуя, что соберу все пробки по дороге, поспешила к беленькой Audi, припаркованной у соседнего бизнес-центра. Кровь из носу нужно успеть до закрытия садика, а то какая же я буду мать!

– Муся моя! – услышала я звонкий голосок своей малышки, выскакивая из машины. Маленькие ножки в желтых сапожках семенили ко мне, катастрофически уверенно топая по лужам.

– Привет, мышка! – расплылась я в улыбке, подхватывая на руки дочурку. Буйные темные, почти черные, кудряшки выбивались из-под забавной шапки с ушками, а большие глаза цвета малахита озорно сверкали в обрамлении густых ресниц.

Эх, вот с чем всегда без ложной скромности соглашалась, так это с тем, что она у меня кукольная красотка. От своего биологического отца и от меня эта принцесса взяла только самое лучшее. Тут и там по чуть-чуть «откусила».

– Куда мы поедем? – защebetала любопытная, пока я пристегивала ее на заднем сидении, – к деду с булей?

– Нет, зайчик, сегодня поедем домой. Мама очень устала

и смертельно хочет завалиться с тобой на кровать и посмотреть мультик, – подмигнула я мышке и, чмокнув в лобик, утродилась на водительском сидении.

Мобильный завибрировал, намекая, что неплохо бы накопец-то прочитать смс от матери. Боже, храни эту функцию повторных уведомлений.

Пристраиваю свою мерно рычащую «девочку» в основной поток и тут же попадаю на красный. Пробки. Вечный бич больших мегаполисов.

«Привет, родная! До тебя сегодня не дозвониться, даже в офисе поймать не удалось. Позвони, как будет время! Как наша мышка? Как дела в саду? Завтра отец хочет устроить небольшие семейные посиделки, поэтому все бросаешь и к нам. Ватсон уже скучает».

Видимо, у любимого папиного лабрадора уже зажили болевые ранения, которые неаккуратная Майя нанесла в прошлый раз.

– Завтра едем к деду с булей, – говорю доченьке, быстро набирая маме лаконичное «хорошо» и «наберу позже».

Бросила взгляд в зеркало заднего вида, слегка оборачиваясь. Мышка сама себе что-то копошилась в рюкзачке и балякала себе под курносый носик. Абсолютно меня не замечая.

Я улыбнулась этой детской непосредственности и прикрыла глаза.

Тяжелая неделя выдалась. Знакомый под шумок скинул на меня еще одну концертную площадку, и пришлось знат-

но побегать, чтобы договориться с капризной звездой на выступление. Чем дальше, тем больше начинаю сомневаться в выборе профессии. А на кой черт оно мне надо вообще?

Могла бы сейчас спокойно просиживать штаны в фирме отца, да еще и на должности ведущего специалиста. Ну, нет же! Гордость моя всегда идет впереди. Не могу позволить себе сесть на шею родителям, да еще и вместе с Майей.

Хоть мои родители души в своей внучке не чают, конечно, но не оставляют отчаянных попыток узнать, кто отец нашей принцессы. Я же упорно молчу.

Далекие пять лет назад пообещала себе: никто не узнает о нашей ночи. Он был старше меня, серьезней. Я тогда была наивной девчонкой, которая все две недели отпуска поглядывала «исподтишка». Он же был взрослым мужчиной, который даже и не замечал миниатюрную блондиночку с голубыми глазами. До ночи моего отлета, когда потеря девственности обернулась неожиданной беременностью...

Глава 2. Стельмах

– Ау-у, Тёма, ты меня слышишь? – помахала рукой перед глазами Жанна.

Девушка крутилась перед зеркалом, одергивая подол платья. Я отвлекся от такого интересного созерцания стеклянного потолка и посмотрел на любовницу.

Брюнетка со спортивной фигуркой и длинными ножками. Типичная современная красотка, повернутая на своей персоне. Упругая задница и большая грудь – однозначно мой типаж.

– Завтра, говорю, встречаемся?

– Нет, – объяснять, почему, желания нет. – Занят.

– Ясно, ну хорошо. Звони, как освободишься.

Вот что мне в ней нравилось – прямолинейность. Никаких тебе соплей и обид. Добавляем в этот коктейль выдающиеся постельные таланты и отсутствие мании «трахать» мозг. Получаем идеальную любовницу. Действительно, «подруга» из Жанки хоть куда, а отношений и всех этих заморочек ни ей, ни мне не надо. Девчонке тридцать два, и хер знает, почему, но замуж она не стремится. За меня так точно, слава богу. Не готов я рушить свой уклад ради хорошего секса. Я точно знаю, что помимо меня у нее есть кто-то еще. Она же в курсе, что я не брезгую встречами на одну ночь, и любовниц у меня достаточно. Чувством собственности никогда не стра-

дал, а интим всегда защищенный. Так что полная свобода действий идеально вписывается в мой ритм жизни.

Пока девушка собирает остатки своего гардероба, я нехотя поднимаю тело с кровати и как был, в чем мать родила, плетусь на кухню.

Холодильник пустой. Зато виски всегда в запасе. Наливаю горячительного в стакан и закидываю пару кубиков льда. Тепло ломит приятная усталость, что аж двигаться неохота. Давно было пора «разрядиться», а то с этим новым проектом и расширением забегался совсем. Скоро дым из ушей повалит.

– Стельмах, у тебя мобильный разрывается, – появилась в поле зрения Жанка, впихивая в руки телефон и пробегая глазами по моей фигуре. Скромностью, надо сказать, тоже не наделён. А к таким плотоядным взглядам уже давно привык. Все в этой жизни рано или поздно приедается.

– Ну как? – усмехаюсь я, покручивая в пальцах бокал.

Звонящий подождет, интересней пронаблюдать реакцию любовницы.

– Раунд два? – вздёргивает идеальную бровь девушка. Жанка машет изящными запястьями, эротично прикусывая пальчик. На автомате подмечаю, что маникюр снова кроваво-красный. Ее любимый цвет, но так раздражающий меня.

– Или уже четыре-пять. Ты, кажется, опаздывала куда-то, – ухмыльнулся я, залпом осушая алкоголь в бокале.

– Я вполне могу задержаться...

Любовница пробегает по моему торсу длинными ноготка-

ми, слегка оцарапывая, оставляя едва заметные красные полосы. Член мгновенно реагирует на ласку, объявляя полную готовность к новому заходу. На красивом лице блуждает победная улыбка.

– Жанна...

Подруга предпочитает проигнорировать мое вялое предупреждение. Медленно оседает на пол, пробегая ладошками вдоль тела. Запредельно короткое платье задирается, оголяя аппетитную задницу. Устраиваясь на коленях, укладывает ладони на мои ягодицы и обводит языком головку члена, вышибая из груди сдавленный стон. Сука, эти движения языка и пошлый взгляд из-под опущенных ресниц заводят круче, чем сами действия.

– Расслабься Стельмах, – смеется Жанка, пробегая языком по всей длине. – Мы быстро...

Я запускаю ладонь в пышную копну волос и с силой сдавливаю затылок девушки. Жанна покорно обхватывает губами член и начинает плавные, идеально выверенные движения. Пробегая влажным ротиком, дразня и играя на натянутых до предела нервах, посасывая и прикусывая нежную плоть. Лаская умелым языком, она определенно знает, как удовлетворить мужика. Если бы не эти ее навыки, вряд ли бы наши "встречи" продолжались почти три, мать его...

– Жанна! – вышибает рык из груди.

...года.

В паху тяжелеет, и мне становится мало этих простых дви-

жений. Я снова сдаюсь во власть похоти. Хватаю девушку за предплечья, заставляя подняться, и толкаю к столу.

Похоже, мы опять надолго «зависли».

– Стельмах, привет! Как посадка?

– Плавно. Привет, Димыч.

Отправил-таки Жанку, но пришлось и самому тащить зад в офис. Хотя время было уже начало седьмого, но кого это волнует, правда?

Одна из причин, почему не хотел возвращаться на родину – пробки. Они, блин, здесь всегда и везде. В одной я сейчас и подвис.

– Работы в офисе почти закончили, со дня на день организуем тебе кабинет, и в бой.

– Знаю, Димыч. Позвонили уже. Сейчас мчу туда, какие-то подписи им с меня надо. Правда, мчу – это с натяжкой... – усмехнулся я, вдавливая клаксон. Лезут тут всякие подрезалы.

– Вот поэтому мы с Верой и уехали из центра. За десять лет жизни все нервы вытрепали себе, – засмеялся своим низким басом партнер.

Серганов Дмитрий Михайлович – давний друг. Человек, фактически благодаря которому я и вернулся в Россию. Бросил свое насиженное место в Штатах и примчался ради общего бизнес-проекта. Головняков добавилось знатно, но я уже давно планировал зайти со своей компанией на россий-

ский рынок. Мелкие филиалы в расчет не беру. Выхлопа с них мало. А тут Димыч со своим "заманчивым предложением".

– В общем, я что звоню-то. Завтра жду тебя у себя на даче. Отметим партнерство. Посидим, потрешим. Банька, все дела. Вера моя вкусностей наготовит, да и Лия подъедет, а то тоже все работа да работа. Познакомлю вас хоть.

Пауза. Во время которой я соображаю, как бы деликатней, что называется, «съехать».

– Отказы не принимаются, – отрезают мне пути к отступлению.

В работе мы предпочитали не задевать личную жизнь. Поэтому я, конечно, знал, что дочь у Димки есть, души он в ней не чаёт. Только удивительно, но за почти двадцать лет знакомства с ним я ее ни разу не видел. Не считая короткого эпизода, когда она была еще ребенком. Признаю, было любопытно. Наверняка с таким «залюбившим» батей там выросла крайне избалованная особа.

Веру я видел пару раз, до отъезда из страны. А было это ни много, ни мало почти пятнадцать лет назад.

– Понял тебя. Хорошо, буду. Банька – это святое. Надо что-то с собой привезти?

Достал завалившуюся в бардачке пачку сигарет и закурил, приспуская тонированное стекло и выдыхая дым в серое октябрьское небо. Раз уж «железная очередь» двигаться не желает, надо было чем-то себя занять.

– Да ну, брось. Все есть, себя только.

– Может Вере с Лией цветы? Женщины все-таки.

– Не любят они у меня эти венники. Ругаются.

– Да все они говорят, что не любят. А потом мозг сожрать готовы за то, что ты без букета пришел, – усмехнулся я, припоминая, какой этикет-урок устроила мне Жанка, когда я в ресторан приперся без «веника».

– Короче, на твое усмотрение, – выдает Димыч и тут же пускается в рабочие дебри.

Делаю крепкую затяжку и медленно жму педаль газа. В час по метру, твою мать.

В пол-уха слушая друга, бросил взгляд в зеркало заднего вида. За мной пристроилась какая-то белоснежная Audi. Не пойму, какого хера вообще потянуло рассматривать водителя этой тачки. Обычно я к соседним машинам был безразличен, пока это напрямую не касалось моих интересов. Возможно, сыграло то, что это была девушка. А на них я, как любой нормальный мужик, любил залипать. Тем более если они были такие утонченные, как она. Видел я только ее длинные вьющиеся локоны и тонкие запястья на баранке руля, потому что автоледи отвернулась. Не знаю, какого лешего я все еще на нее смотрел. Хотел уже психануть и нарушить к чертям правила, пересекая двойную сплошную. Собирался надавить на газ, но незнакомка в последний момент обернулась, устремляя взгляд в лобовое стекло.

Внутренности скрутились в тугой узел, а руки непроиз-

вольно сжались в кулаки, когда я увидел этот взгляд. Та, которую я вижу сейчас, либо плод моей больной фантазии, либо...

– Стельмах, ты там? – походу, десятый раз повторил Димыч, а я, черт возьми, завис. Ни слова, ни вздоха.

В груди саданула тупая боль. А в голове, сметая все мысли, пролетел ураганом образ голубоглазой «знакомой», который за пять лет так и не пожелал стереться из памяти.

Глава 3. Алия

– Алия Дмитриевна, у нас проблемы с завтрашним концертом в «Модис».

Вот вам и доброе утро. Слово «проблема» скоро будет вызывать у меня нервный тик. Час назад только открыла глаза. Единственное, что успела сделать – принять душ и запустить кофе-машину. Пока работа снова о себе не напомнила.

– Да что же такое! У меня когда-нибудь будут нормальные выходные? – прошипела я, с грохотом приземляя кружку на гранитную столешницу.

– Честно пытались все решить без вас, но там конфликт интересов, – извиняющимся тоном тараторит Катерина.

– И в чем заключается этот конфликт?

Попутно сменила телефон на AirPods и заскочила в гардеробную. После обеда отец с матерю будут ждать у себя на даче, а это значит, надо что-то попроще. Но твою ж, и в трениках в элитном ночном клубе я появиться тоже не могу.

– Группу не устраивают звуковые установки, они привезли свои.

– Ну?

Остановила выбор на джинсах и свитере. Стильно и максимально комфортно. Стащила с полки, едва не повалив гору одежды, бубня себе под нос проклятья. Руки все не дойдут от лишних вещей избавиться.

– Директор клуба отказывается менять аппаратуру.

– Гаевский совсем охренел?!

– Это плохое слово... – округлила глазки Майя, потирая румяные щечки кулачками. – Добаба юта, – пролепетала малышка. Я даже не заметила, как она подкралась. – Мы к деде едем, муся?

– Мышка, не слушай маму... – подмигнула дочурке. Да так засмотрелась на своего сонного гномика, тянущего ко мне ручки, что на секунду выпала из разговора. А может, и не на секунду...

– Лия, ты здесь? – услышала настойчивое в ухе. Кажется, Катерина уже несколько раз что-то повторила.

– Здесь. Так, давай в клуб. И позвони Гаевскому и менеджеру группы, пусть подъезжают. Будем что-то решать.

– Поняла. Выдвигаюсь.

Я вытащила из уха наушник и присела. Мышка заулыбалась и подскочила ко мне, волоча за уши по полу своего любимого розового зайца. Боевой товарищ за время жизни уже и глаза, и нос терял.

Майя крепко сцепила свои ручки у меня на шее и уткнулась курносым носиком в волосы. Я прижала к себе изумительно пахнущую клубничкой дочурку и чмокнула в румяную щёчку.

– Доброе утро, сладкая. Да, мы с тобой сейчас заедем к Максусу, а оттуда сразу к деду с бабулей.

Майя вмиг приободрилась и заулыбалась:

– Я тогда пойду люкзачёк собилать, – припустила от меня хитрюга.

– Сначала умываться, малыш! – крикнула вслед, не питая особых надежд на покорное повиновение дочери.

В общем-то, наверное, я была бы идеальной женой.

На сборы себя и ребенка у меня стабильно уходило не более получаса. Жизнь научила. Как там говорят: хочешь жить – умей вертеться. Вот и вертимся.

Работы море, даже выдохнуть времени нет. Телефон не замолкает практически никогда, но я к этому уже привыкла. Главное, что у моей принцессы есть все и даже больше. Остальное ерунда.

Подумаешь, личная жизнь? Есть у меня «друг для здоровья», как говорит моя лучшая подруга Тася. Большого мне не надо. Мы с Егором знакомы уже почти три года и почти столько же спим ради удовлетворения потребностей. Ни ему, ни мне не нужны обязательства. По крайней мере, я так думаю. Хотя вот Тася не согласна. Уверяет, что парень с прицелом на будущее метит.

Зря.

К сожалению для него, в моей голове уже слишком много лет живет образ идеального мужчины – отца Майи. И дело даже не в той памятной ночи, которая изменила всю жизнь. Знала я его гораздо дольше. Артём всегда был для меня воплощением понятия «настоящий мужчина». Хотя уверена, многие бы с этим не согласились. Но, как говорят, любовь

зла...

Поэтому, каким бы сладким и милым Егор не был, вот как раз под этот типаж он совершенно не попадал. Просто промах по всем пунктам.

– Доброе утро, Алия Дмитриевна.

– Добрее не бывает.

Я зашла в «Модис». В клубе царила тишина. Оно и понятно, рабочее время здесь наступает с девяти вечера. У бара меня уже ждала Катерина, как всегда, предельно собранная и серьезная.

– Настя, останься с Майей, пожалуйста, – кивнула я девушке за баром.

– Конечно.

– А ты меня к Маше не возьмешь? – заканючила дочурка.

– Нам с Максом надо поговорить, солнышко. Поэтому тебе придется остаться с Настей.

– Майя, давай ты мне поможешь, – подмигнула упомянутая бармен, ненавязчиво увлекая мышку за собой.

Стоило только поманить ее вкусняшкой, девчушка заскочила в бар и мгновенно забыла про мать. Пару лет назад Гавевский поставил в клубе автомат для молочных коктейлей. Зачем? Он и сам не знает. Сдвиг по фазе у него тогда был – о детях мечтал. Недолго правда – месяцок. Пока новую любовницу не нашел. Запал пропал, а автомат остался. Вот, пригодился.

Я двинулась напрямик к директорскому кабинету, собрав за собой целую делегацию. Мать-наседка с цыплятами, ни дать ни взять. Именно так, всей оравой, по цепочке мы заявились к Максиму в кабинет. Увидев меня в качестве тяжелой артиллерии, мужчина закатил глаза и выдохнул.

Папины сынки – вечно все усложняют, честное слово.

– Сейчас будет битва... – прошептала Катерина у меня за спиной и тут же прикусила язык.

Собрание затянулось дольше, чем я планировала. Отчего-то в этот раз Максим Гаевский – директор клуба «Модис» – уперся рогами и ни в какую не хотел "давать заднюю". Пришлось прибегать к уговорам и даже шантажу.

– Твою мать, Лия. Я тебе это припомню, – покачал головой мужчина, когда мы остались в кабинете тет-а-тет.

– Угу. В следующий раз, когда задница будет гореть, даже не вздумай мне звонить, – пожала я плечами, присаживаясь на краешек рабочего стола.

– Ой, да это было-то всего пару раз!

– Угу. И это только в этом месяце, когда ты со своей любовью застрял в Испании. Это, между прочим, неуважительная причина срывать переговоры с инвесторами.

– Вредина. Просто я не представляю, как буду оправдываться перед соучредителем. Там мужик серьезный, и вот эту молодежную шелупонь терпеть не может.

– Это ты группу тридцатипятилетних бородатых мужиков шелупонью назвал?

Блин, я скоро достигну совершенства в умении выгибать бровь. Так смешно, но Майя тоже время от времени пытается повторить этот мимический жест, да пока не выходит. Только забавно морщит лобик и надувает губки.

– Ты песни их слышала? – усмехнулся парень, затягиваясь и выпуская облачко дыма. Я нечаянно вдохнула эту гадость и закашлялась, размахивая руками.

– Гаевский, ты можешь хоть в кабинете не курить? Ты уже насквозь провонял табаком. А вместе с тобой и я.

– Мужика тебе надо нормального.

Раздражала меня его похабная улыбка. Вот прямо ударить всегда руки чесались. Но друзей вроде как не бьют. Или я ошибаюсь?

– Это, по-твоему, бухающего, курящего и трахающего все, что движется? Нет уж. Увольте, – усмехнулась я.

– Нет, с деньгами и статусом.

– Понимаешь, если сложить сказанное тобой и мной, получаешься ты.

– Ну, так, а я о чем? – спросил котяра, подмигивая.

– Да боже упаси... – засмеялась я, легко соскакивая со столешницы. Сгребаю с дивана папку с документами и походкой от бедра к дверям. Задержалась и так уже. Пора и честь знать.

– Куда?

– На выходные. А ты давай, деньги зарабатывай. Вдруг однажды передумаю, – улыбнулась я самой дерзкой улыбочкой

из своего арсенала, подмигнула и захлопнула дверь.

Кого я обманываю? Близко, но тоже не то.

Глава 4. Алия

Еще на подъезде к даче родителей заметила внушительный внедорожник. Предки, видимо, решили не просто семейные посиделки устроить.

– Башая масына, – захопала ресничками мышка, восхищенно выглядывая с заднего сидения.

Да, новенький Infiniti цвета мокрый асфальт даже меня впечатлил. Интересно, кто водитель такого зверя. Что-то из всех знакомых отца я на такой машине никого не припоминаю. Неужели решил очередного жениха подсунуть? Когда, интересно, им уже надоест фигней страдать. Ну, не выйду я замуж! За кого хочу – не возьмет, а других не надо.

Заезжая в открытые ворота и паркуя свою «девочку» рядом с «танком», заметила, что у беседки отец стоит не один. Действительно, рядом с ним спиной к нам стоит мужчина. В сердце что-то странно кольнуло, когда пробежала взглядом по фигуре гостя. Слишком знакомой она показалась.

Кольнуло и исчезло, разливаясь странным предчувствием в груди.

– Давай, я помогу тебе отстегнуть ремни, зайчик.

– Не котю, я сама! – закапризничала дочь. Чувствую, вырастет и будет такой же до невозможности самостоятельной, как я.

– Ладно. Сама так сама. Догоняй.

Я натянула на руки перчатки, а то ветер сегодня был кусачий, и выскочила из машины. Майя справится с ремнями, это уже не впервой. Приподняв воротник бежевого пальто, я направилась к отцу, который, естественно, меня уже заметил и улыбался.

Шаг за шагом подходя к мужчине в черной кожаной косухе, я все тяжелее передвигаю ноги. В голове начали всплывать яркие картинки прошлого. Маленькие вспышки: из детства, из юношества и из моего памятного отпуска. И когда в моей голове четко сформировалось понимание того, кто этот гость, я искренне пожалела, что вообще приехала.

Он – моя любовь с первого взгляда.

Высокий, почти на голову выше меня. С мощным разворотом плеч и идеально ровной осанкой. Спортивная фигура, отлично сочетающаяся с его хищной грациозностью и размеренностью движений. Он завораживал своей уверенностью, еще когда я была ребенком. Сейчас я выросла, но мало что поменялось. От таких, как он, веет «опасностью и сексом» – как сказала бы моя лучшая подруга. Женщины всегда стелились перед ним пачками, ему даже особых усилий прикладывать не приходилось. Поэтому боюсь представить число девушек, побывавших в его постели. Постоянством он никогда не отличался. Но самое страшное, что и я, дура малолетняя, попала однажды в плен бешеного мужского магнетизма. Однажды и до сих пор.

Расслабленная поза гостя – руки в карманах дорогих брюк

и опущенные плечи – говорит о том, что меня он пока не заметил. Форса мне. А вот для него будет шок, когда обернется.

Возликовать бы, да не получается. Меня слегка потряхивает. Непонятно, какой можно ожидать от мужчины реакции. Да и теперь у меня есть что скрывать, помимо своей многолетней тихой любви.

– Вчера был на объекте, по срокам к декабрю должны открыться.

Этот голос, с низкими рокоющими нотками, доносившийся до моих ушей, обволакивал и разгонял волны мурашек по коже. Тело до сих пор помнит его тихий шепот: волнующий и до одури проникновенный.

– Отлично, можно кинуть в отдел рекламы идею: плюшки для снимающих номера и залы на корпоративы, – кивает отец.

– Можно попробовать. Вдруг что годное выйдет.

Когда до гостя с отцом остается уже пару метров, цокот моих каблучков отчетливо слышен по брусчатке. Папа радостно стучит друга по плечу и басит:

– А вот и мои, – улыбаясь родной улыбкой. – Наконец-то познакомлю вас.

Я с тоской думаю, что он может и не знакомить. Я уже и так знаю, кто этот гость.

Последнее мгновение на то, чтобы взять себя в руки и натянуть маску холодной вежливости. Сжимаю ладошки в кулачки и мысленно приказываю сердцу биться ровнее. Как

школьница, вытягиваю спинку по струнке, замирая в шаге от мужчин.

Словно в замедленной съемке, под завывание ветра, гость оборачивается. Его черные, как ночь, волосы выбились из стильной укладки и развиваются на ветру. Руки в прямом смысле начинают чесаться от желания прикоснуться, но я боюсь даже дышать рядом с ним. В тот момент, когда оценивающий, тяжелый мужской взгляд пробежал по мне от самых ботинок и сфокусировался глаза в глаза, меня бросило в жар.

На его лице изумление.

Не изменился – промелькнуло в голове. Он такой же, каким я его и запомнила. Мужчина, смотрящий свысока своим глубоким зеленым взглядом. Лоб прорезали мелкие морщины, которые ничуть не портили его красивое лицо с постоянно немного нахмуренными бровями и упрямыми, тонкими губами в обрамлении густой щетины.

Мужчина замер в пол-оборота, не моргая в легком прищуре, словно изучая и, несомненно, вспоминая молоденькую голубоглазую девчонку. Так дерзко воспользовавшемуся моментом и мимолетной симпатией мужчины гораздо старше ее. Он смотрел на меня пристально, заглядывая в самую душу. Выворачивая наизнанку все упорно подавляемые чувства и страхи. Улавливая, казалось, мельчайшее движение.

Стельмах Артем Валерьевич, собственной персоной.

Отец моей дочери, о чем он пока не знает. Мой первый

мужчина и по совместительству хороший друг отца. И, надо полагать, именно Артем с недавнего времени тот самый новый бизнес-партнер папы.

Ну что же, возвращаемся к тому, от чего ушли.

Я же говорила, что моя жизнь пестрит красками?

Глава 5. Стельмах

– А вот и мои, – поглядывая мне за спину и расплываясь в улыбке, сказал Димыч. – Наконец-то познакомлю вас.

Друг похлопал меня по плечу и гордо зыркнул, ожидая одобрения. Я повернулся, не испытывая особых надежд на то, чтобы впечатляться. Пробежал взглядом по тонкой фигурке в бежевом пальто, неожиданно вспоминая про белые розы. Букет, который все же купил, да так и оставил лежать в машине. Однако все мысли улетучилась, когда я встретился взглядом с той самой дочерью.

– Твою... – вылетает, когда я понимаю, кто стоит передо мной.

Вот это сюрприз!

Эти глаза на долю секунды вышибают меня из колеи. Сказать, что я удивлен – ничего не сказать. Ощущение, словно мне только что дали под дых. Сильно и со вкусом впечатывая правду по ребрам.

– Темыч, знакомься, это моя горячо любимая дочь – Алиа. Лия, это Артем, я тебе про него рассказывал, мой новый бизнес-партнер.

Изменилась – промелькнуло в голове.

Гордо вскинутый подбородок, вытянутая по струнке спина и прямой взгляд невозможно голубых глаз – повзрослела. Нет больше той маленькой девчонки. На меня смотрела

девушка, знающая себе цену. Взгляд умный, холодный, оценивающий. Длинные до лопаток локоны свободно колыхались на ветру. Мягкость этих волос преследовала меня еще несколько месяцев, а сладкие, жадные до поцелуев губы снились и того дольше. Не знаю, какого черта, но из всех именно она впечаталась в память слишком ярко. Всплывала в моей голове слишком часто и слишком навязчиво. И на тебе, Стельмах, получай.

Хоть я и был в ту памятную ночь зол, но выкинуть воспоминания о ней так и не смог. Тогда, пять лет назад, эта дерзкая малышка развела меня, как дурака, не сказав, что девственница. Даже подумать смешно, но эта утонченная леди использовала меня, взрослого мужика, и исчезла.

Сейчас она стоит, смотрит своими ледяными глазами и будоражит все внутри своим равнодушием.

Всего ночь. Одна ночь, и надо же было так конкретно залипнуть. Да еще на ком? На девчонке, которая младше меня едва ли не вдвое, да к тому же дочь хорошего друга. Да уж, жизнь – юмористка, чтоб ее!

Кидаю быстрый взгляд на парковку. Думал, вчера словил больной глюк – померещилась. Нет. Машина, припаркованная рядом с моей, говорит о том, что пока в своем уме. Не двинулся. Ее я видел вчера в центре.

– Ну что вы замерли, – засмеялся Димыч.

Ох, лучше бы тебе, дружище, не знать причину. А то пиздец и мне, и твоей прекрасной дочурке.

Алия приходит в себя первая.

– Да, папуль, помню-помню, говорил. Все уши прожужжал.

Голос мягкий, приятный, словно обволакивал своей «сладостью». Беспринципное сознание подкидывало совсем другие звуки, издаваемые эти милым ротиком.

Девушка протянула аккуратную ладошку, обтянутую кожаной перчаткой и приподняла уголки губ в мягкой улыбке. Холодная маска вежливости на миг слетела, обдавая теплом голубого взгляда.

– Рада знакомству, Артём.

Не знакомы, значит? Хорошо, умная девочка.

Я усмехнулся и пожал протянутую руку, задержав в своей ладони на мгновение дольше, чем требовали приличия и, сжав слегка сильнее, чем надо было. Пробегая в едва уловимом жесте большим пальцем по оголённому запястью, от чего неприступная блондиночка вздрагивает и практически вырывает свою руку.

– Взаимно, Алия Дмитриевна.

Девушку слегка коробит мое обращение по имени-отчеству. Но, надо отдать должное: Лия быстро взяла себя в руки. Владеть собой она научилась прекрасно. На место легкого удивления вернулась улыбка, хотя взгляд голубых глаз снова сделался холодным и отстраненным. Ровно до того момента, пока из дорогой белой Audi не выскочила ее миниатюрная копия, заставляя меня потерять контроль над собой.

Уже второй раз за короткий промежуток времени.

Нетрудно догадаться, кем они друг другу приходятся.

Значит, мать.

Интересно получается, а с мужем тоже познакомят? Хотелось бы мне увидеть, на ком в итоге остановила свой выбор та дерзкая девчонка из клуба. Что-то мне подсказывает, на нищесбродов она явно размениваться не стала бы.

– Деда! – через весь участок слышится звонкий голосок ребенка.

– Вот, а эта принцесса – моя внученька, Майя.

Гордости друга не было предела, когда мелочь со всего ходу заскочила к нему на руки и крепко сжала своими миниатюрными ладошками. Этот жесткий во всех смыслах мужик буквально растекался на моих глазах.

– Принцесса, поздоровайся с дядей Артемом, – прошебетал, по-другому и не скажешь, Димыч. А я только сейчас понял, что стою и откровенно пялюсь на ребенка, в попытках сложить в голове два и два. Поразительно, насколько малышка похожа на мать. Пухленькие губы, овал лица, тонкий и аккуратный слегка вздернутый носик – вылитая Алия. Вот только черные, как смоль волосы, совершенно не ее, и невероятные глаза, цвет радужки которых даже не поддавался определению.

В голове щёлкнуло, когда мелочь повернулась ко мне. Мысль, что помимо матери, она еще на кого-то похожа. Отец? Возможно, я его знаю.

– Здласти, дядь Алтем, – картаво поздоровалась малышка, расплываясь в искренней улыбке. Так умеют только дети. Им фиолетово, кто ты: злодей или добряк. Улыбаются, ожидая, что ты улыбнешься в ответ.

Мысленно даю себе подзатыльник, приказывая взять себя в руки.

– Привет, принцесса, – попытался выдавить из себя мягкую улыбку. Хотя она была больше похожа на оскал. Но ребенок, кажется, это нисколько не задело.

Откровенно говоря, как-то не клеились обычно у меня отношения с детьми. Поэтому и женщин выбирал всегда одиноких, незачем парить себе мозг ненужными вещами. Есть отношения, а есть секс. Я предпочитал второе.

– Давай, мышка, – натянуто улыбнулась Алия. Невольно отметил, что с момента появления дочери девушка подобралась, словно медведица, защищающая своего медвежонка. Даже в какой-то степени вид был недовольный.

– Идем в дом, там бабушка уже заждалась.

Девушка махнула головой, косо поглядывая в мою сторону. Выражение на красивом лице такое, слово я какая-то потенциальная угроза для ее чада. Появилось ребяческое желание поднять руки в жесте «сдаюсь», пока она во мне дыру недовольную взглядом не прожгла.

– Дядь Алтем, а ты снежную бабу лепить умеешь? – не замечала обеспокоенную мать малышка.

– Майя, ну какая баба, снега еще мало. Давай, сладкая, –

махнула девушка рукой, разворачиваясь в сторону дома. – Дядя Артем с дедом поговорить хотят, а мы мешаем.

– Беги, занимай дедуле место.

Димыч поставил внучку на ноги, заботливо одергивая куртку, и та покорно пошла за матерью, вложила свою миниатюрную ладошку в ладонь Алии и продолжила что-то рассказывать на ходу. Мы провожали их взглядом до самого дома. Не знаю, что крутилось в голове друга, но я был в странной прострации.

Задела.

Ее неожиданное появление садануло, бередя старые раны, которые я слишком долго загонял вглубь своей циничной души. Я, черт возьми, иногда сомневался, что она у меня вообще есть. Однако что-то же упрямо ныло, сука, в такие моменты.

– Хорошая у тебя внучка, – махнул я головой, прогоняя странные мысли.

– Да, в один момент нежданно-негаданно обрадовала дочурка новостью.

Димыч, сколько его помню, всегда был мужик кремень: жесткий, прямолинейный, рубил с плеча. В лихие девяностые сколотил нехилый бизнес, который процветал и по сей день. В те годы, я хоть и был еще уличным пацаном, но уже тогда понял, к чьему образу стремлюсь. По чьему подобию хочу жить. Я искренне считал, что мы с ним похожи: характер, принципы, понятия и отношения к некоторым вещам.

Для молодого Серганова не существовало никого – законченный эгоист. До поры до времени. Я не рассчитал, что есть такая вещь – любовь. И этого догнала однажды – влюбился Дмитрий по самые... кхм... в свою Верочку. С тех пор все, что касалось семьи, было для него на первом месте: святым и непреложным. Мне на своем веку с такой ерундой не везло. Все-таки, может, оно и к лучшему, одному проще. Нет семьи – нет ответственности. Моногамия – это не про меня. Отец и муж из меня явно вышел бы так себе.

– А отец кто? Из наших кругов кто-то? – не сдержал я своего любопытства. Димыч усмехнулся и предложил сигаретку.

– А хер знает.

Эффект был, как будто меня по голове битой приложили. Я закашлялся, убирая изо рта несчастный сгусток никотина. Посмотрел на друга, но тот явно не шутил.

– Это как? ЭКО?

– Нет, – уверенно помотал головой Димыч. – Хотя... голову мы уже всю с матерью ее сломали и язык тоже. Не говорит, поганка.

– А муж тогда кто?

– С чего ты взял, что она замужем? – усмехнулся Серганов.

– Так... – даже не знаю, что сказать. Махнул рукой в сторону однозначно дорогой Q7, да и образ у нее был такой, похожий на замужних – в хорошем смысле этого слова.

– Нет, – рассмеялся друг, – замуж, она сказала, не пойдет ни за какие баранки. Я уже устал ей кандидатов подсовывать, – Димыч понизил тон до шёпота, – хотя она, надеюсь, меня в этой шалости не заподозрила. Видные парни, из наших с тобой кругов. Все ее ровесники, при деньгах и при мозгах. Она девчонка у меня красивая...

Я чисто рефлекторно кивнул, соглашаясь. Еще бы. Ее эта красота, на которую повелся однажды, теперь «поперек» стоит.

– Но нос воротит, не хочу, говорит. Так все устраивает. Ты не смотри, что тачка дорогая и шмотки брендовые. У нас с матерью Лия перестала брать деньги еще на первом курсе универа. Все сама. Крутится, работает чуть ли не как ты, день и ночь, разрываясь между офисами и клубами.

– Клубами? – последний раз затягиваюсь и выкидываю бычок в урну. Ветер сегодня до самых костей продувает. Уйти бы уже с него и, желательно, не в дом. Потому что там неожиданно материализовавшаяся из моих воспоминаний блондиночка.

– Работа у нее такая. Менеджер она. Занимается организацией выступлений всяких звездунов. Ведет три клуба, концертный зал и спортивную арену, новую тут у нас открыли. Так что... – пожимает плечами друг, – гордая.

– Действительно. Деньги есть, дочь есть. Зачем ей муж? Может, и права.

– Это ты как прожжённый холостяк рассуждаешь, только

тебе сколько? Сорок?

– В следующем будет.

– А ей двадцать пять, и у нее вся жизнь впереди.

– То есть, на мне ты уже крест поставил?

Да, ситуация дерьмо, конечно. Блядь, как теперь в глаза другу смотреть? Зная, что я вытворял с ее милой дочуркой, которую он лелеет, как цветок в оранжерее.

– Честно, Стельмах? Ебанёт однажды и тебя. Только вот боюсь, с твоим неприятием многих вещей и принципом игры в одни ворота, не сможешь ты стать человеком семейным. Не умеешь ты отдавать взамен.

– Это с какой из моих обиженных любовниц ты пообщался?

Вроде все уходили достаточно удовлетворенными. Правда, далеко не все дожидались обещанного звонка.

– Я не про секс говорю, там-то я даже не сомневаюсь в тебе, – ржет Серганов, – доходили до меня слухи о твоих подругах. А об отношениях, – тяжело вздыхает мужик. – Знаешь, сколько мы за свои годы ругались с женой? Если бы не чувства и не взаимные шаги друг к другу, мы бы развелись еще до появления Лии. Однако быть такими эгоистами для мужиков, тем более твоего полета, это нормально. Хорошей бабе же надо быть при муже, да желательно при таком, который не будет сопли на кулак наматывать. Который как шархнет по столу, сказав свое веское я.

– Мужским шовинизмом попахивает. Загадка, как твоя

Вера терпит тебя столько лет, – усмехаюсь я его СССРовскому домострою. – Только на дворе уже двадцать первый век, уже давно преобладает равноправие.

Тем более, наблюдая за его дочерью, точно могу сказать: тут просто шарахнуть по столу не получится. Этот же стол потом встретится с твоим лбом, попробуй ей только слово сказать.

– Верунчик у меня по характеру мягче, чем дочь. А ты, со своими такими размышлениями, быстро с Алией общий язык найдешь, – качает головой Димыч, похлопывая меня по плечу и увлекая за собой в дом. – Ей бы такого, как ты, только лет на пятнадцать помоложе и баб на сотню за плечами поменьше.

Смешно. Только, сука, не смеется.

– И все-таки? – свернул с опасной темы. Пока мы с моими бабами до признаний не дошли. – Даже предположений нет, кто отец? Как она вам объяснила-то беременность?

Какого чёрта я так к этому вопросу прицепился, и сам не понимал. Спишу на банальное любопытство.

– Да как? Пришла в один день с пузом до подбородка. Рожать, говорит, буду. Мол, кто отец, не спрашивайте, не скажу, но мужчина хороший и генофонд отличный.

Удивительно, какая смелая и дерзкая до невозможности девчонка.

– Только вот хороший мужик хер бы свою кровиночку бросил, – подытожил Серганов, открывая дверь и пропуская

в свои родные пенаты.

– Согласен. Дел наделал и в кусты.

Ох, не знал я тогда, кто по этим самым кустам пять лет скакал.

Глава 6. Алия

Возьми себя в руки, Лия. Хватит мандражировать. Он ничего не знает, ничего не заподозрит. А секс? Это просто интрижка на одну ночь, каких у него много.

Я уже час повторяла себе это, как священную мантру. Да только что-то не спасало. Хотя, спасибо университетскому драмкружку, лицо держать научили. Периодически посматривая то на дочурку, то на «гостя», тихо удивлялась, как никто не замечает этого поразительного сходства между ними! Похоже, я просто стала мнительным параноиком.

Мы сидели за обеденным столом, и с наслаждением уничтожали вкуснейшие мамины блюда. Майя носилась по гостиной за любимым отцовским лабрадором Ватсоном, залиристо хохоча и дергая бедную псину за хвост и уши. Терпения у собаки – вагон. И даже несмотря на то, что маленький монстр по имени Майя его как надо гоняет, он при виде нее всегда задорно виляет хвостом и чуть ли не скачет от радости. В нашей квартире запрет на животных, поэтому мышка и отрывается здесь по полной.

Загородный дом родителей после душного мегаполиса был для нас с малышкой глотком свежего воздуха. Двухэтажный коттедж из сруба, окруженный соснами, зимой утопал в пушистых сугробах. Вообще я любила зиму. Есть в ней что-то волшебное. Особенно, когда утром выходного дня напя-

ливаешь на себя кучу теплых вещей, предвкушая долгое пребывание на щиплющем щеки морозе. Укутываешься так, что видно только глаза, и идешь лепить снежную бабу. Любимое развлечение мышки. Пока октябрь снегом не радовал, что невероятно огорчало дочурку.

– Лия, ты меня слышишь? – шепчет мама на ушко. А я так залюбовалась пейзажем за окном, что ушла в себя. Обернулась и встретилась с задумчиво изучающим взглядом Артёма.

– Задумалась, прости, – нехотя перевела взгляд на мать.

– Я говорю, может, завтра мышку у нас оставишь?

– А в сад?

– Пропустит денек. Сейчас вирус гуляет, да и мы с отцом по ней скучаем жутко.

Виновница разговора как раз маленьким ураганчиком следом за псом залетела в кухню. Крутанулась около Стельмаха и, потеряв равновесие, едва не устроила встречу пола со своим любопытным носиком.

– Майя! – подскочила я с места, рванув в ее сторону. Но она уже радостно дрыгала ногами, подхваченная Артемом под мышки. Вот это реакция!

– Пасиб, дядь Алтем! – стремительно вырываясь из рук и заскакивая к деду на колени.

– Иногда в ней просыпается юла, и ее не угомонить. Извини, – улыбаюсь. Он только молча кивает, и снова включает режим «Алия – стена»: упорно игнорирует мое присутствие.

Бесит это невероятно. Хотя мне бы радоваться этому факту, но сердцу-то не прикажешь. Быть пустым местом для человека, к которому у тебя есть чувства, очень не хочется.

– Мы в том году поехали на собачьих упряжках кататься, – начал вещать отец свою любимую историю. – Так такой ветрюган поднялся. Дороги замело, и мы на горнолыжной базе с мышкой почти на двое суток застряли. Да, принцесса?

Майя кивнула и продолжила увлеченно пачкать руки, воз в ладошках шоколадную конфету.

– Так мы пока там в снежном плену торчали, я вспомнил, что значит молодость. Эта егоза меня загоняла по полной. То снежки, то догонялки, то снеговики... – засмеялся дедуля, погладив внучку по голове. – Любим мы зиму.

Вообще у Майи с дедом была какая-то особая связь. Хоть мышка никогда не была обделена мужским вниманием, но дедуля стоял во главе угла.

– Я как-то предпочитаю отсиживаться зиму в теплых краях, – ухмыльнулся Артем. Держался он учтиво и вежливо, но ему явно было некомфортно в нашей небольшой компании. Я даже могу сказать, кто был главным его триггером здесь.

– Да ты и снег- то, наверное, забыл уже, как выглядит в своих Штатах.

– Ну почему же, прошлой зимой Чикаго неплохо так засыпало, – пожалала я плечами, поднимая бокал с вином.

– Ты была в Чикаго? – едва ли не впервые за весь вечер обратился ко мне Артём, снова переводя на мою скромную

персону цепкий, заглядывающий в самую душу взгляд.

– Была, по работе, – вежливо улыбнулась, прикладывая бокал к губам.

– Мы ездили на форум в прошлом году. С Селивановым... – отец снова пустился в рабочие истории, хотя, кажется, гость его совершенно не слушал. Я смотрю в окно и тщательно делаю вид полного безразличия к происходящему вокруг, а в голове созревает хитрый план. Когда понимаю, что Стельмах слишком внимательно наблюдает за мной, становится любопытно проверить: этот его подчеркнутый игнор – результат злости, потому что фактически инициатором нашей единственной ночи была я, или это все-таки результат безразличия к моей персоне. Надеюсь, первое. Отрицательные эмоции – это тоже эмоции. Понимаю, что провоцирую мужчину своим поведением, но остановиться не могу. Наблюдая за ним краем глаза, я отпиваю терпкий ароматный напиток, медленно и с наслаждением прикладывая губы к бокалу, пачкая розовой помадой хрусталь. Вместе с ароматными нотками ежевики по венам разливается удовлетворение от стремительно темнеющего взгляда мужчины. Каюсь, не могу сдержаться – добиваю. Провожу кончиком языка по губе, слизывая капельку красного полусладкого. И моя маленькая коварная игра достигает цели – его цепляет. Впервые за весь вечер маска неприступности дает слабину. Брови хмурятся, а рука у лица сжимается в кулак. Это дает мне повод возликовать. Дурочка, конечно, сама себе проблемы

создаю, но клянусь, готова была скакать от радости, увидев реакцию мужчины на мои нехитрые манипуляции. Значит, не такой уж он железный и равнодушный, каким хочет казаться.

– Может, перекурим? – перебивает он друга. Тон резкий, движения нетерпеливые. Кажется, даже если папа откажется идти, Артём все равно выскочит из-за стола. Но отец, естественно, соглашается, и мужчины спешно покидают нашу компанию.

Напоследок успеваю кинуть взгляд на спину гостя, ненароком залюбовавшись на идеальные подкачанные ягодицы. Да вовремя отворачиваюсь, чуть не напорвшись на злой взгляд обладателя спортивных форм. На спине у него тоже глаза, что ли.

– Муся, а когда придет Тася в гости? – возвращает в реальный мир дочурка, едва входная дверь закрывается.

– Не знаю, мышка. У нее работы много, молчит пока.

Мордашка скисла, губки надулись.

– Не грусти. Думаю, скоро, – подмигнула я проказнице, легонько потрепав задорные кудряшки.

– Буся, а можно мы с Васаном погуляем?

Манипуляторша маленькая. Тихонько смеюсь тому, как эта проказница умело играет на эмоциях. Знает же, что с псом гулять нельзя, но когда она дует губки и хлопает носом, добрая буся плавится и все разрешает.

– Иди, только под присмотром деда.

– Хорошо. Деда... – накинув куртку и сапожки, Майя убежала на улицу.

– Ох, Лия, она просто по характеру вылитая ты. Твоя маленькая зеленоглазая копия, – вздыхает родительница умиленно.

Вот смотрю на нее, на маму, и понимаю: идеальная. Идеальная женщина, жена и мать: кроткая, спокойная, уравновешенная, любящая до потери пульса. И красивая до умопомрачения. Даже старела она у меня красиво. Каждая морщинка, как лучик солнышка. Не удивлена, что в свое время отец голову потерял от любви. Сколько себя помню, она всю себя отдавала только мужу и семье. Мне такой стать никогда не светит. Мало того, что характер у меня от бати, так еще и, в отличие от ма, не умею молчать и не смогу тихонько следовать за мужем. Равноправие – мое все. А еще провокатор я по жизни, и мне это нравится. Кайфую, когда вывожу людей на эмоции. Единственный человек, которого пока не удалось зацепить в глобальном смысле – Стельмах. Наверное, для него я все еще та мелкая девчонка, только теперь с осложняющими обстоятельствами в виде отца-друга.

– Как тебе Артем? – прошептала ма, улыбаясь уголками губ.

– Артем Валерьевич, ты имела в виду? – ухмыльнулась я, поднимаясь из-за стола и сгружая грязную посуду.

– Что так официально? Хороший же мужчина.

– Так это ваша попытка очередной раз замуж меня вы-

дать?

– Нет, Алия, ни в коем случае. Отец бы и рад пристроить тебя в руки человеку «его круга», но только не Артему, – засуетилась родительница.

– Почему?

Интересно, чем Стельмах им так не угодил.

Я даже остановилась с горой грязных тарелок, чтобы посмотреть на реакцию матери. Врать и юлить она у меня совершенно не умела. Все было написано на лице.

– Потому что такие, как Стельмах, по мнению твоего отца, не любят и не меняются. Ну, не в сорок лет, точно.

– Ты сказала, по мнению отца. А ты, значит, так не считаешь?

Мама предпочла молча улыбнуться одними уголками губ и скрыться на кухне.

– Бред, – думала, что прошептала, но вышло гораздо громче.

– Бред не бред, но постарайся свести ваши контакты до минимума. Он очень видный и статный мужчина. От такого можно потерять голову...

Ох, мама, мама. Твои слова да мне бы в уши лет в пятнадцать. В тот момент, когда все одноклассница сохли по ровесникам, я теряла сон из-за мужчины на, прости господи, четырнадцать лет старше меня.

– Вот только это запретные чувства, Лия.

– Мы живем в двадцать первом веке, – возразила я мате-

ри. – Уже давно прошло время свадеб по договоренности и необходимость в благословении.

– То есть, если бы встал такой выбор, надо понимать, что мнением отца ты бы не интересовалась? – замерла она, складывая руки на груди.

– Отчего такие вопросы, мам? – выгнула я бровь, искренне не понимая, почему ее это так заботит. Разве не видит, что Артем и так подчеркнуто игнорирует мое присутствие.

– Ты бы смогла пойти против воли и желания отца?

– Мы сейчас вообще о Стельмахе говорим или в общем, на перспективу? – начинала я злиться. Терпеть не могла никогда неудобные разговоры, а тем более с мамой. Она со своей интуицией словно наперед заглядывала всегда. У тебя еще мыслей таких может не быть, а она уже все знает.

– Просто ответь, пожалуйста.

– Честно? Если бы любила до безумия и знала, что это мой человек, то да. Вероятней всего, да, мам. Я отца люблю, но ты же знаешь, каким упрямым он может быть. Почему тебя это сейчас так волнует?

– Просто беспокойно мне. Предчувствие нехорошее. А вы с отцом оба два упрямца. Не хотелось бы и мне однажды из-за вас встать перед выбором.

Мама покачала головой и скрылась в гостиной. Я же так и замерла с посудой. Не знаю, какие там у нее предчувствия, но я дальнейшего развития чего-то между мной и другом отца не вижу абсолютно. Где он, а где я. И от осознания этого

вдвойне больнее.

Зря он вернулся.

Глава 7. Стельмах

– В следующую субботу устроим прием. Отпразднуем новый совместный проект. Да и презентацию отеля устроим заодно. Погудим слегка, – махнул рукой Димыч.

Я нахмурился от мысли присутствовать на очередном корпорате. Не люблю я все это: лживые улыбки и расшаркивания.

– Может, без этого обойдемся?

Димыч разлил по рюмкам «горячительное». Мы чокнулись и опрокинули беленькую внутрь. Водка и настоящая русская баня – вещи, по которым я определенно скучал в Штатах.

– Я так же сказал дочери. Мне тонко намекнули, что я в данном вопросе крайне некомпетентен, и пообещали разобратся без меня.

– Действительно, мы как-то больше по финансовой части, все эти алаверды для меня темный лес.

– Вот-вот. А она у меня во всей этой теме: кто кому и что должен – разбирается хорошо. Нашла уже организатора, поэтому отвертеться не получится.

Да уж, мысли снова уносятся не в ту сторону. Хочется засмеяться и махнуть еще рюмку, а лучше сразу стакан водки. Когда ехал сюда, всего ожидал. Встретить избалованную особу, типичную дочь богатых родителей. Но никак не голу-

боглазую блондинку. Давнюю мимолетную знакомую, которая засела в голове, выросла и отрастила зубки. Имя, кстати, очень ей подходит. Мягкая, летящая внешне и абсолютно неприступная внутри.

– Значит, слиться не получится? – спросил я, не теша себя напрасными надеждами.

Димыч усмехнулся и помахал головой.

– Засиделся ты в своем забугорном особняке, Стельмах. Людей, как чертей, боишься.

– Бояться и не любить – разные вещи, – хлопнул друга по плечу и ощутил острую необходимость проветрить мозги. – Пойду, переварю эту мысль на свежем воздухе.

– Давай, а я пошёл в парилку. Верка у меня ругается, когда голый с бани шастаю. Потом планомерно выносит мозг.

Усмехнулся, в красках представляя себе эту картину.

– Женишься, поймешь меня, – пробасил Димыч и с веником наперевес скрылся за деревянной дверью.

Я вышел на веранду, затягиваясь крепким табаком, устроился, опираясь локтями о перила.

«Каблук» сказал бы. Да язык не поворачивается. Мужу почти пятьдесят лет, взрослая дочь есть, а она на свою жену до сих пор смотрит до одури влюбленными глазами.

Женишься – поймешь. Да хер я когда женюсь! Прав он был, когда сказал, что я сраный эгоист. Нет у меня в сердце места никому. Если я и решу однажды связать себя узами брака, то только когда разум окончательно перекроет. Пока

что не было в моей долгой жизни таких женщин, чтобы цепляли настолько.

Правда, почему-то воображение упрямо подкидывает образ дочери друга. Чем она так меня зацепила, не пойму. Вроде такая же, каких много. Да, красивая, молодая и далеко не дура. Но опять же, повторюсь, таких много. Однако щёлкает что-то в мозгу именно на ней. Еще и ее намеренная провокация с бокалом вина остроты добавила конкретно. И дураку понятно, что эта «игра» была направлена на меня. В случайности я не верю, а тем более в такие откровенно-эротичные. Думал, сторю на месте.

Нет, так не дело. Пора заканчивать с этими постоянными мыслями о ней, отпустить приклеившийся образ. Позвонить уже Жанке, что ли. Хоть она и говорила, что сегодня у нее съемка для журнала, но, думаю, час найдет. Всегда находила и сейчас никуда не денется.

Дверь дома скрипнула, и в моем поле зрения появилась Алия. словно само, мать его, проведение шутки с нами шутит.

Девушка в накинутом на плечи огромном кителе отца смотрелась так несуразно и от того еще соблазнительней. Она стремительно шла к парковке, где, по иронии, рядом примостились наши машины. А я, как зачарованный, жадно ловил каждый шаг стройных ножек, обтянутых в синие джинсы. По телу пробежал жар, хоть я и стоял в одном повязанном на бедрах полотенце под колючим ветром. Мне ста-

ло отчаянно мало воздуха от воспоминаний о ее податливом теле. Даже спустя пять лет я помнил ту ночь до мелочей. Какого хера, и сам не могу себе объяснить. В паху моментально становится тесно. Полотенце натянулось, предательски выдавая меня.

Неожиданный порыв холодного, октябрьского ветра разметал светлые локоны девушки. Руки зачесались, напоминая об их шелковистости и легкости. Тактильная память, сука, упрямая вещь.

Алия что-то тихонько пробурчала и собрала пышную копну в небрежный пучок. Уже у самой машины, хватаясь за дверцу, она обернулась. Словно почувствовав меня, замершего в позе истукана с поднесенной к губам сигаретой и направленным в упор на нее взглядом. Хорошо, хоть перила высокие. Не увидит мой гигантский стояк.

Быстро пробегая взглядом по моему голому торсу и зажжённой в руках сигарете, девушка приподнимает уголки губ в улыбке:

– Не холодно? – доносит до меня ветер ее брошенные небрежным тоном слова.

– Хочешь согреть?

Стельмах, ты придурок. Если Димыч услышит, яйца оторвет. Но каюсь, не сдержался. Уж слишком самоуверенный и неприступный вид у девчонки.

– Это была одноразовая акция, Артем Валерьевич.

Не растерялась. Удар держать умеет.

Девушка щёлкнула брелоком сигнализации и занырнула в салон. Пока Алия копошилась в бардачке авто, я успел уже насквозь продрогнуть под ледяным колючим ветром. Но вот девчонка вылезает из машины, громко захлопнув дверцу, идет в мою сторону. Дожидаюсь, когда она окажется ближе, чтобы не выяснять отношения на всю обширную территорию дачного участка.

– С какой радости я налетел на эту акцию? Не просветишь? – спрашиваю, когда девушка уже в паре шагов. Взгляд блуждает по голому торсу, и вижу неприкрытый интерес в ее глазах.

– А есть претензии? – ответ вопросом на вопрос. Голос ровный, взгляд холодный. Определённо, юлить и извиваться она не умеет. Как в прямом, так и в переносном смысле.

– Хотелось бы знать...

Дверные петли за моей спиной скрипнули, сообщая, что мы уже не одни. Как по команде, оборачиваемся. На веранде с накинутым на плечи пледом появился Серганов.

– Пап, твой телефон, – протягивает девушка дорогой гаджет. Легкая дежурная улыбка растягивает нежные пухлые губки.

– Старею, похоже, забываю его постоянно, – сетует ее отец и машет мне головой.

Продолжать наш «пикантный» разговор опасно. Поэтому выкидываю бычок в пепельницу и, мазнув взглядом по лицу голубоглазой красотки, словив напоследок подмигива-

ние, скрываюсь за дверью бани. Какого черта эта девчонка творит? Если вздумала проверить на прочность мою выдержку, так могу сказать, что после ее появления сегодня с ней явно проблемы. И она доиграется однажды.

Захожу в парилку и прикрываю глаза. Димыч что-то рассказывает, но я, как и за столом, слушаю в пол-уха, потому что в голове творится какая-то хуйня. В подсознании упрямо всплывает наше первое с его дочерью знакомство...

Глава 8. Пять лет назад...

Весь томный вечер эти двое переглядываются, словно разговаривают взглядами. Мужчина не в силах оторвать взор своих зеленых глаз от смелой блондиночки, танцующей в самой гуще танцпола. Софиты то и дело замирают, делая акцент на ее тонкой фигурке. Ее смелые па – чаруют. Она словно отдаёт всю себя танцу, ритму, музыке. Словно гипнотизирует замершего за столиком мужчину гораздо старше ее.

Артем Стельмах никогда не любил жару танцполов, но сейчас ему отчаянно хотелось к ней прижаться. Затащить в кольцо своих сильных рук и впиться губами в жёстком поцелуе.

Эту девушку он заметил давно. Весь отпуск личико незнакомки мелькало перед ним. Неделю назад блондинистая голубоглазая красотка привлекла его внимание своим чарующим смехом. Его никогда так не тянуло к конкретным особям женского пола. Обычно все было обоюдно и с представительницами постарше, чем она. Не девочка уже и не женщина еще. На вид лет двадцать-двадцать два. Пару дней назад сила магнетизма достигла своего апогея. Когда под испепеляющим солнцем Бали девушка загорала у бассейна. Белый купальник на загорелой коже будоражил, особенно потрясающе выделяя ее формы и небольшую тату в виде птицы на рельефном прессе.

Сама же девушка до этого вечера словно не замечала мужчину. Или хорошо делала вид, что не замечает.

– Стельмах, ты ее сейчас сожрешь взглядом, – смеется друг Артема, Леха, стучая приятеля по плечу. – Трахни уже малышку. Смотри, как хочет.

Мужчина кивает, соглашаясь с предположением друга и понимает, что долго так не выдержит. В штанах у него уже тесно, член наливается и больно упирается в ширинку. Джинсы явно не предусмотрены для такого стояка.

– Знаешь ее? – спрашивает Стельмах, опрокидывая шот с текилой. – Зовут как?

– Имени не знаю, но ты с ней и не в загс идешь.

Девушка на танцполе делает очередное смелое движение. Пробегает руками по бёдрам и прикусывает губу. Голубые глаза из-под густых ресниц снова выскивают во мраке зала вожделенного мужчину. Теперь уже Стельмах не сомневается в адресате жарких взглядов.

Действительно, все мысли незнакомки занимает он. Уже давно и прочно, засев в голове и сердце.

– Какая на хер разница, как зовут, – если бы блондинка услышала это, ее бы покорило.

Алия Серганова всегда была максималисткой – все или ничего. И знание, что желанный мужчина готов переспать с любой красивой женщиной, даже не узнав имени, вероятней всего, обидело бы ее. Но она слишком долго ждала этого момента. Твердо решила, что сегодняшнюю ночь непри-

ступный друг отца будет с ней.

– А так в отеле видел, горячая цыпочка. Завидую, Те-мыч, – пихает мужчина локтем в бок друг.

Она смотрит на Артема. Своими голубыми, почти синими в ночи глазами. Смотрит и улыбается, пробегая ладошкой от груди и вниз к бедрам. Очаровывая и доводя до предела.

Сидеть у Артёма уже реально нет мочи. Плавные изгибы тела, призывные взгляды, провокационные движения.

– Пойду, выйду.

Мужчина вскакивает с места и выходит на улицу, ощущая острое желание попасть на свежий воздух. Вот только просчитался. На улице жара, как в топке. Совсем не остужает пыл. Артём затягивается сигаретой. В паху огонь. В висках бьют барабаны. Его любимая фраза: «Я хочу – я беру» набатом стучит в голове, пока мужчина выпускает в небо облачко дыма.

– Ну и долго еще будем в гляделки играть? – слышится у него за спиной приятный обволакивающий голос.

Алия своего упустить не хочет, решая взять инициативу в свою хрупкие руки.

Артем ухмыляется, догадываясь, кого увидит, когда обернется. Ее тембр голоса полностью соответствует внешности: мягкий, изящный, со слегка звенящими нотками.

– Есть предложения? – спрашивает Стельмах, намеренно не двигаясь.

Девушка обходит мужчину и смело останавливается на-

против. Эти двое потерявших голову людей встречаются взглядами. Зелень летнего луга и синева океана.

«Вблизи еще горячней» – проносится у него в голове.

«Всего шаг до мечты» – думает она.

Знал бы этот неприступный мужчина, сколько девичьих слез было пролито из-за безответной любви!

Алия запускает шаловливую ручку под край футболки, слегка пробегая ноготком по кубикам мужского каменного прессы.

– Думаю, мы могли бы что-нибудь придумать, Артём.

Мужчина не удивлен, что она знает его имя. Возможно, услышала в отеле.

Тем временем цепкие пальчики, царапая, подбираются к молнии джинсов, пробегая в едва уловимом жесте вдоль всего замка и заставляя мужчину сжать челюсть от подступившей тяжести вниз. Напрягаясь всем телом и до боли сжимая руки в кулаки.

Девочка определённо раскрепощена, но и не похожа на типичных постельных грелок. Уж Артем Стельмах точно знает. Слишком благородно девушка выглядит. Прямо держит спину, с достоинством королевы, взгляд властный и в то же мгновение мягкий. И это цепляет мужчину еще сильнее.

Сил сопротивляться ее очарованию нет.

– В отель? – хрипло выдыхает мужчина, выбрасывая из рук догорающую сигарету.

– Едем, – шепчет девушка, едва касаясь сладкими губами

пахнущих табаком и алкоголем губ мужчины. Поцелуй почти что невинный. Легкий, многообещающий. Срывающий остатки невидимых для этих двоих барьеров.

Проблем с такси у пары нет. Уже через каких-то пятнадцать минут голодные до секса мужчина и девушка практически вваливаются в номер Стельмаха. Он с силой вдавликает блондинку в холодную стену, его губы грубо впиваются в ее. Именно так, как ему хотелось в этот вечер. Пальчики девушки подбираются к молнии мужских джинсов и одним рывком расстегивают, освобождая горящую желанием плоть мужчины. Он дергает вверх ее платье, стягивая и отшвыривая в сторону. С секунду с наслаждением пробегает взглядом по тонкой фигурке, налитым грудям с торчащими карамельно-розовыми сосками. И со звериным рыком подхватывает девушку на руки, укладывая на кровать. По сравнению с ним она миниатюрная, как фарфоровая куколка. Чуть сильнее надави, раздавишь. И осознание этого заставляет мужчину попридержать из последних сил свои грубые, не привыкшие к долгим ласкам руки и губы. Артём наваливается сверху, с силой прикусывая нежную кожу на ключице. Девушка выгибается от наслаждения и запускает цепкие пальчики в его густые, темные, как ночь, волосы.

То мгновение уже совсем близко. Затопивший желание разум пропустил момент, когда мужчина успевает разобраться с тонким латексом. Алия горит в пламени дикого первобытного желания, но внутри просыпается маленький

огонек сомнения, разгораясь все ярче. Алия точно знает, кого хочет, кто должен быть ее первым мужчиной, но страх просыпается слишком неожиданно. Она уже готова отступить, когда Стельмах коленями раздвигает ее ноги и, упираясь лбом ей в плечо, резко входит.

Боль. Она вспышкой пронесется по телу. Пронизывает до самых кончиков волос. Своей неожиданностью вышибая из груди всхлип, выжимая из глаз горячие слезы и заставляя девушку сильнее прижаться к горячему телу мужчины, словно в попытке спрятаться от самой себя.

Мужчина обескуражен. Не понимая, каким образом может быть такое. Он остаётся в ней, боясь пошевелиться и хватая за подбородок, заставляя посмотреть в глаза.

– Ты девственница? – он шокирован. Это видно по взгляду. Голос звенит от напряжения. Артём никогда не любил быть у кого-то первым. Это слишком большая ответственность. И, чёрт побери, первый секс не должен быть такой! Грубый, в сраном отеле с малознакомым мужиком.

Алия молчит, и, когда боль немного отступает, ее место занимает снова подступившее желание. Ей не нравится, что он замер, ноги сами собой обвиваются вокруг бедер мужчины, и она хрипло выдает то, что выбивает Стельмаха из колеи уже окончательно.

– Теперь уже не все ли равно?

– Какого хера ты творишь, дура?!

Мужчина выходит из нее и видит подтверждение своей

догадки. Кровь. Эта малолетняя блондинка только что использовала его, как пацана.

– Лет сколько?! – одному богу известно, насколько Артем сейчас зол. Это надо же было так глупо подставиться и не отличить девственницу от опытной, мать ее, оболбастительницы. – Если несовершеннолетняя, то я тут же тебя утоплю, идиотка!

Ложь, конечно, но хоть что-то должно было напугать эту невинную блондиночку.

– Двадцать!

Девушка тоже рычит, подскакивая на ноги. Прикрываясь покрывалом, мчит к сумке в поисках паспорта. Оба заведены желанием, подогреваемым злостью друг на друга. Эмоции бьют через край. Доставая несчастный документ, Алия абсолютно не подумала о том, что, возможно, Стельмах обратит внимание на до боли знакомую фамилию блондинки. Зацепится взглядом за имя, которое потом в его жизни сыграет большую роль. А мужчина потом тысячи раз пожалеет, что ярость на самого себя и на случайную подружку совершенно перекрыла здравый смысл. Он даже не подумал посмотреть, как ее зовут. Только на возраст, и да, она не врала.

– Дура малолетняя! Какого хера полезла на взрослого мужика, ровесники не прикалывают что ли?!

– А теперь уже не поздно ли орать?

– Убирайся! – машет мужчина в сторону двери, поднимая с пола белый тонкий сарафан и кидая девушке в руки. Алия

ловит ненавистную тряпицу и с вызовом смотрит в любимые зеленые глаза. Нет, она предполагала, вряд ли Стельмах обрадуется «сюрпризу», но не думала, что его взбесит это до такой степени.

Алие уже терять нечего. Она уже подарила свое целомудрие человеку, которого желала до щемящей боли в груди. Человеку, который не покидал ее сны и грезы. Она пришла сюда с определённой целью – получить хоть каплю нежности от этого мужчины. И просто так не уйдет. Пусть это будет единственная в их жизни встреча, а тем более близость, но теперь уже не время пасовать.

– И что, все твои подруги уходят неудовлетворенными? – полноватые губы девушки искажает ехидное усмешка, а глаза смотрят хитро. Она знала, чем цеплять и на что давить. Последние слова больно бьют по самолюбию мужчины, а самоуверенность и выдержка второй раз за вечер дают слабину.

Артем хватается незнакомку за талию, снова подминает под себя, повалив на кровать, припечатывая ее тело к пружинистому матрасу. Хватает за запястья и заводит руки девушки за голову, полностью обездвигивая.

– Нравится, когда с тобой грубо? – рычит мужчина, темный, почти черный взгляд фокусируется на ее невероятных глазах. Дерзость блондинки уходит, взгляд становится томным. Алиа прикусывает губу и тяжело выдыхает.

– Нравится, когда мужчина думает не только о себе, –

шепчет девушка.

Терпение и самообладание Артёма Стельмаха рушится под напором невероятной дерзости девчонки. Он срывается, впиваясь в жестком поцелуе в губы блондинки. Огонь желания, несмотря на ложь, никуда не уходит. Жжёт изнутри, заставляя тихо стогать и, в конце концов, поддаться.

Одним толчком снова входит в узкое лоно и начинает двигаться. Сначала медленно, давая девчонке привыкнуть к новым ощущениям, потом, когда девушка под ним начинает выгибаться и стонать, Артем ускоряет темп. Девушка впивается ноготками в сильную спину и кусает губу, чтобы не закричать, когда влажные губы желанного мужчины всасывают горошину соска и больно прикусывают. Волна экстаза зарождается где-то в ее коварной голове, начинаясь с мысли: «Он стал моим первым». Она прокатывается по всему телу, заставляя изнывать в ожидании долгожданной разрядки. Нервы, как натянутая струна, звенят от удовольствия, переливаясь тихой мелодией счастья от исполнения странной, но мечты. Сдерживать стоны уже нет сил, девушка кричит. Спина выгибается, и когда Артем входит последний раз, с сильным толчком его члена внутрь Алия доходит до оргазма.

С ее губ срывается заветное имя любимого мужчины. Тело сотрясается в блаженной неге, а пальцы ног подгибаются от сладкого спазма. Мужчина не может отказать себе в удовольствии и накрывает влажные губы девушки, ловя с ее горячим дыханием тихие стоны. Когда Алия немного прихо-

дит в себя, Артем продолжает движение. Он не кончил, и она хотела подарить и ему долгожданную разрядку.

Мужчина лёгким движением поднимает тело девушки и переворачивает на живот. Заставляет подняться на колени и выгнуть попу, чтобы снова войти, глубоко и жестко ударяясь в ее тело.

– Артем... – стонет девушка, подаваясь назад, ловя единый ритм.

Первый раз был для нее. Второй для него. Грубее, быстрее, жестче. Мужчина тяжело дышит, хватая светлые локоны в кулак и оттягивает, наслаждаясь ощущением их невероятной мягкости. Заставляет девушку привстать на локти и выгнуть спину.

– Нравится разводить мужиков вдвое старше?! – шипит он, ускоряясь.

– Да... – выдыхает девушка, и в тот момент, когда почти готова достигнуть наивысшей точки удовольствия второй раз, Артем грубо сжимает ладонью ягодицу и кончает, падая на девушку и тяжело дыша. Всего на мгновение позволяет себе слабость, утыкаясь носом в волосы, запечатлев в своей голове этот потрясающий аромат, который будет преследовать его долгие годы.

Пара тяжело дышит. Тело ватное, и им не хочется делать лишних движений, но Стельмах понимает, что только что поддался своей слабости. Осознание, что эту блондиночку нужно было выставить из номера сразу, как только узнал,

что она обманула его, как зеленого соплика, быстро заставляет прийти в себя.

Артем поднимается и бросает незнакомке полотенце.

– Удовлетворена?

Грубо, но, собственно, а чего Алия еще ожидала? Да, она поступила эгоистично и, возможно, заслужила такое обращение к себе. Скорей всего, теперь в глазах Артема Стельмаха она обыкновенная молодая дура, которая решила поиграть в соблазнительницу да просчиталась. Но девушка не жалеет ни о чем.

– Спасибо. Все было круто, – голос ровный и спокойный, что крайне удивляет Стельмаха. Ни намека на истерику или обиду, что было бы вполне логично после такого грубого обращения к ней. Даже самого мужчину это покорило, но церемониться с возомнившей себя взрослой девчонкой он не был намерен.

– Можешь воспользоваться душем, а потом, будь добра, скройся.

– Душ приму у себя.

Мужчина очень зол. Он смотрит, пока девушка прячет свою наготу под одеждой, и борется сам с собой, не в силах отвести взгляд от стройной, идеальной фигурки. Улавливая каждое ее неторопливое и размеренное движение слегка поддрагивающих от слабости рук, он понимает, что ему мало. Какого хера его на ней так повернуло, и сам не знает, но факт остается фактом.

– Спасибо за все, – говорит девушка и, оглушительно громко хлопнув дверью, уходит.

Опустошение.

Невероятное эмоциональное выгорание внутри у мужчины. В голове происходит что-то странное. Его ломает, однако Стельмах не может знать, что, как только девушка вернулась в свою комнату, она оседает на пол, а по щекам ее катятся горькие слезы. Его мимолетной знакомой в разы хуже. Маска уверенности в себе стремительно покрывается трещинами. Нет, она не жалеет и никогда не будет жалеть об этом. Но ей обидно сразу как-то за все. Возможно, гормональный всплеск так повлиял. Непонятно, но обидно: за то, что не узнал, что наорал, что был груб после и нетерпелив во время близости. Но она найдёт ему оправдание. Всегда находила.

Утром следующего дня после целой бессонной ночи Артем Стельмах пойдет искать ночную дерзкую незнакомку. Не зная ни номера, в котором она остановилась, ни имени – то же самое, что искать иголку в стоге сена. Но его это не останавливает, потому что, сука, совесть загрызла. Совесть и новое, непонятное для него чувство: словно за веревку кто-то тянет. К ней. Артем будет весь день ждать ее в лобби отеля, в надежде пересечься. Меряя шагами просторный зал, поглядывая на часы и...

Не дождется.

Потому что ночной рейс вернул девушку в родной город, где этим двоим суждено встретиться только через почти пять

лет после памятной ночи. И при весьма неожиданных для
обоих обстоятельствах.

Глава 9. Алия

Неделя началась с новых проблем. Собственно, в любой работе, где есть человечески фактор, не обходится без сложностей. А когда еще и эти люди – звезды, то все. Пиши, пропало.

Все дни я только и успевала, что мотаться между офисами. Вечером забирала дочурку из садика и приползала никакая. В прямом смысле слова, падала после ужина и отключалась.

Помимо рабочих моментов, болела и душа. Стельмах, чтоб ему жилось легко, снова появился в моей жизни и прочно засел в голове. Я боялась и хотела его одновременно. Прямо сочетание несочетаемое, ну, или легкая форма мазохизма.

В основном покоя не давала мысль, а что, если он узнает о Майе?

Меня кидало из крайности в крайность. Я и хотела этого и страшно боялась. Не знала, какой ожидать реакции. Судя по тому, какого человека я встретила на даче в выходные – он действительно не изменился. Надеяться на то, что маленький ребенок растопит его сердце, было, как минимум, глупо. Но сердце кровью обливалось, когда думала, а каким бы он был отцом, и как бы отнеслась к нему Майя. Такие нереальные фантазии я тут же старалась гасить в себе и заталкивала

как можно дальше. Не будет этого, и точка. Вряд ли он обрадуется наличию четырехлетней дочурки, каким бы ангелом она не была. В том, что узнает, сомневаться не приходилось. Зная свою коварную судьбу, уверена – это вопрос времени. Артём был далеко не дурак и вполне мог сложить два и два.

Поэтому я решила любой ценой свести все наши контакты к минимуму и держаться от него подальше. Может, тогда все обойдется малой кровью. Как бы сердце ни ныло от вновь нахлынувшей детской влюбленности, я уже давно научилась подавлять свои «хочу». В моей жизни существует только «надо».

Пятница пошла не по плану с самого утра. Сначала опоздали с Майей в садик – из-за козла на дороге. Потом очередная скотина окатила грязью из лужи, пока я переходила дорогу к своему офису. И для пущего негатива порвала любимую игрушку мышки.

Девушка-катастрофа.

– Егор, ты не видел мое платье? – развела я руками, суетливо окидывая взглядом гостиную. Стильно, модно, современно и пусто. Не любила я надолго оставаться у него. Слишком неуютно было в его новой квартире.

– Держи.

Время идет. А в моей жизни время – деньги. И я не готова тратить их на секс.

Встреча наша сегодня была абсолютной случайностью.

Думала, этот день уже ничего не может сделать более терпимым, но тут судьба подарила возможность снять накопившееся сексуальное напряжение. Почему бы не воспользоваться случаем?

Ехала на спортивную арену, чтобы забрать документы и столкнулась с парнем в фойе. Слово за слово, кофе с десертом, и вот я уже оказалась у него дома. А там все, как в тупой мелодраме: лифчик на люстру, трусы на цветы и пошло-поехало.

– Может, поужинаем вечером? – с надеждой в голосе спрашивает парень. В отличие от меня, Егор уже успел натянуть брюки и накинуть на плечи рубашку. Я же возилась с противной молнией. Выкину это шелковое великолепие, честное слово.

– У меня сейчас совещание, а потом я забираю Майю из сада. Вечер занят.

Парень помог застегнуть замок на спине и, как бы невзначай, обвил руками талию, притягивая к себе.

– Я бы мог приехать к вам. И с дочуркой познакомился бы наконец-то, – легонько чмокнул в плечо.

Да, да. Мы спим уже три года, но с Майей я его так и не познакомила. И не собираюсь. Незачем малышке забивать голову «временными» людьми. Я иллюзий никогда не питала и Егору говорила прямо, что будущего у наших отношений нет.

– Давай не сегодня, – и вообще никогда. Но этого говорить

я уже не стала. Незачем доводить до скандала.

Улыбнулась, поправляя сбившееся платье на бедрах. Ле-
гонько чмокнула парня в щеку, чтобы смягчить отказ.

– Я слышу это уже на протяжении нескольких лет.

Егор моментально поменялся в лице. Было видно, что парня задел мой ответ. Брови чуть нахмурились, а взгляд потускнел. Мне бы чувство совести испытать, да нет его. Не могу я переступить через себя и не хочу. Секс ради секса – вот наши отношения. Ну не екает у меня. Вообще никак. И хоть тысячу раз будь он милым и прекрасным – не мое. Даже в плане интима. Да, нам хорошо, приятно и легко. Но близость с ним не вызывает фейерверка в голове и гула фанфар в ушах. Сердце не заходится в бешеном ритме, а тело – в блаженных судорогах. Для меня наши «встречи» – способ снять напряжение, не более того. Единственный в моей жизни человек, который довел буквально до исступления – Стельмах. Но он был для меня недоступен. И я сделаю все возможное, чтобы удержать свое «тело» от близости с ним. Хотя, иногда в мыслях я представляю, как это могло бы быть: жарко, страстно и дико возбуждающе.

Я махнула головой, отгоняя снова уносящиеся в сторону «запретного мужчины» мысли и улыбнулась Егору как можно мягче.

– Извини, – подхватила валяющееся на полу пальто, отступая к двери.

– Я побежала. Увидимся! – крикнула, выбегая из кварти-

ры, шаря на ходу в сумочке в поисках ключей от машины.

Чувствую, еще чуть-чуть, и мы дойдем до точки невозврата. Надо как-то деликатно съехать с этих отношений.

– Где их менеджер?

Я нервно мельтешила по кабинету, то и дело поглядывая на часы.

– Тридцать минут назад звонили. Застряли на Садовом. Обещали добраться, как можно быстрее, – отрывая взгляд от планшета, отчеканила Екатерина.

Н, что за люди? Такую вещь, как пунктуальность, для кого, интересно, придумали? Неужели нельзя было выехать на час пораньше! Конечно, теперь уже понятно, что в самый час пик ждать мы их тут будем до глубокой ночи. Все-таки самый центр.

– Господи, я отвратительная мать, – устало зарываюсь пальцами в волосах. В очередной раз опаздываю за Майей в сад. Еще чуть-чуть, и меня вообще лишат родительских прав за халатность.

Шучу.

Но чувствую я себя из рук вон какой отвратительной родительницей.

Налила себе воды в стакан и уселась за рабочий стол. Раскисать времени нет. Будем решать вопросы по мере их поступления.

– Значит... – открыла ежедневник и вспомнила, что по-

мимо прочего, я еще и запись в салон сегодня «прошелкала». Ай, да Алия, ай, да молодец.

– Так, пока ждём, позвони по отелям, которые готовы предоставить номера, отвечающие выдвинутым условиям труппы, – щелкнула я ручкой, пробегая стержнем по бумаге.

– Вот. Эти обзвони в первую очередь.

Катерина взяла листочек и скептически выгнула бровь.

– Алия Дмитриевна, может, дождемся их менеджера? У них аховые запросы, боюсь они нам не по зубам.

– Значит, будем извиваться и прогибаться, но это ледовое шоу мы проведем. Арена располагает почти всем необходимым. Запремьерив их, мы выиграем гораздо больше, чем потеряем, если побегаем с их запросами. Тем более, я вчера в печать уже отдала макет флаеров. Дороги назад уже нет.

– Поняла. Пойду, займусь делом.

– А я пока придумую, кто заберет мою мышку, – прошептала, вяло листая список контактов. Выбор-то небольшой на самом деле.

Катерина встала из-за стола, направляясь на выход. Уже в дверях, буквально одной ногой в приемной, обернулась.

– Он вернулся в город.

В первое мгновение я подумала, что девушка имела в виду Стельмаха. Но когда дверь моего кабинета закрылась, до меня дошло, кто этот «он».

Катерина была симпатичной и умной девушкой. Тихая, спокойная, крайне уравновешенная особа с задатками карье-

ристки. Моя ровесница, поставившая крест на своей личной жизни. Собственно, так же, как и я. Наверное, поэтому мы с ней хорошо ладили и отлично сработались. Обе отдаём всех себя карьере.

Однажды, на корпоративе, под «алкогольным градусом» мы разоткровенничались. Я поведала ей свою историю «запретной» любви, соответственно, без имен. Она рассказала мне про свои, к сожалению, неразделенные чувства к красавцу-спортсмену. Катерина сделала свой выбор, отказавшись даже пытаться строить другие отношения. Я же сделал свой: родила прекрасную дочь от человека, которого тайно любила всю сознательную жизнь. И ни разу об этом не пожалела. Майя была моим маленьким смыслом жизни. Моторчиком, который заставлял биться часто-часто сердце, когда на меня смотрели ее зеленые глаза.

Вот, видимо, тот самый спортсмен и вернулся. Что же, не только у меня ближе к концу года все катится к чертям.

– Лийчик, привет, дорогая!

После непродолжительных гудков услышала я голос Таси на другом конце «провода».

– Привет, дорогая. Я к тебе, как всегда, с просьбой.

– Для тебя все, что угодно, но сегодня только если дистанционно. Мы с Русланом уехали к его родителям. Вот зависли на Садовом в пробке.

Точно, пятница же. Я с этой работой совсем в днях потерялась. Конечно, сейчас весь город разъезжается кто куда на

выходные. И только я – такая я.

– Забыла, что сегодня уже конец недели, – вздохнула, прикрывая глаза. Они уже в кучу от непрерывной работы за компьютером. – Руслану привет!

– Тебе тоже огромный приветиче от него. А ты что-то срочное хотела? – встрепенулась подруга.

– Да нет, ерунда. За мышкой опять опаздываю.

– Может, Максусу наберешь? Шансов мало, но все же, – неуверенно предлагает подруга.

– Сейчас буду пробовать. Ладно, хорошо вам отдохнуть. Домой вернешься, звони.

– Обязательно! Пока-пока, дорогая.

Следующий в списке «экстренных номеров» баламут-затейник Гаевский. Как сказала подруга, шансов поймать его в пятницу действительно мало, но, может, фортуна наконец-то повернется ко мне лицом, а не другими выдающимися частями.

– Гаевский, привет.

Хоть мы с ним и кусались, но в Майе он души не чаял. Да и мышка, что удивительно, тянулась к Максусу. Зря он причисляет себя к пожизненным холостякам. Из него получился бы неплохой папашка. Кстати, со Стельмахом они чем-то даже похожи. Только если отец Майи жесткий и холодный, то у Маси (как его зовет мышка) душа нараспашку, и пятки вечно горят. Насколько помню, оба мужчины примерно ровесники. Плюс-минус год или два. Думается, что было бы

интересно их познакомить.

– Сразу спрошу, ты в городе?

– Нет, детка. Пятница, помнишь? В загородный клуб мчу.

– Да что вы все мне заладили пятница, да пятница.

Рык вырвался сам собой, я честно не хотела, но уже начала злиться.

– Ну, это ты у нас женщина-робот.

– Это ты сейчас на что намекнул? На мое бездушие?

– И на это в числе прочего. Мало того, что пашешь целыми днями, так еще и разве может нормальный человек устоять перед таким обаянием, какое я излучаю?

Самолюбование – главный его конек.

Передумала. Нельзя их с Артёмом знакомить. Будут шлаться вместе по бабам, со своим-то «обаянием».

– Лучше бы ты что другое излучал. Ладно, хороших выходящих.

– И тебе того же, детка.

– Я тебе не детка, Гаевский. До связи.

– Целую! – бросил собеседник трубку.

Вот котяра. Милый, правда, но котяра.

Что по итогу? Осталась последняя надежда. Может, родители сегодня по счастливой случайности окажутся в городе?

Набираю номер и, пока слушаю длинные гудки в трубке, понимаю, что ситуация все больше становится патовой.

В кабинет тихо прошмыгнула Катерина. Раскладывает документы на столе.

– Доченька, привет, родная.

Мама, как всегда, по голосу – сама беззаботность.

– Привет, мамуль. Слушай, вы с отцом сегодня не в городе случайно?

– Отец ездил, по работе, но уже должен скоро вернуться, – на заднем плане слышался скрип дверных петель и папин бас. – Вот и он, подожди...

Пока родители перекидывались любезностями, я одним глазом наблюдала за секретарем. Катерина ткнула аккуратным ноготком в строчку договора аренды и прицыкнула, качая головой.

– Это просто швах... – прочитала я по губам. Согласна. Цифры внушительные.

– Дочур, привет! – услышала я бодрый голос отца. – Что-то случилось? Чего про город спрашивала?

– Да на работе завал. Ничего не успеваю, в том числе и забрать мышку.

– Ничего. Сейчас решим вопрос с внучкой. Давай, я Артему позвоню.

– Какому Артему? – выдохнула я, замирая. Вот только...

– Стельмаху.

... его здесь не хватало.

– Да ну, что смеяться, – махнула я головой, собирая остатки самообладания и выдавая как можно непринуждённее, – Артему будто в пятницу вечером заняться больше нечем, как с чужими детьми водиться.

– Лия, что за разговоры! Я его знаю уже почти тридцать лет. Этот человек мне не чужой.

– Пап, кого угодно, только не...

– Все, – бестактно перебиваются мои потуги возразить. – Я сейчас все решу.

Отец бросил трубку, не дав мне даже возможности опомниться.

Прекрасно. Великолепно, конечно. Вот только в мои планы встреча со Стельмахом совсем не входила.

Держись, Алия, подальше.

Ну-ну!

Глава 10. Стельмах

– Что-то я не впечатлена, – сморщила носик Жанка, разложив перед собой на столе четыре фотокарточки.

– Фотограф – дерьмо, – соглашаюсь я, отпивая горячий кофе. Жидкий адреналин разливается по венам, будоража кровь.

Тяжелая неделя. Работы прибавилось в разы, устал смертельно. Успокаивает, что впереди воскресенье. Уже предвкушаю, как запрусь дома и просплю весь день. Осталось только пережить субботу.

– Завтра на прием приглашу другого, – вынесла вердикт подруга и сгребла неудачный фотосет в сумку.

Я взгромоздил чашку на стол и махнул рукой, подзывая официантку, которая, к слову, весь час ненароком строила мне глазки. Если бы не смертельная усталость, наверное, воспользовался бы ее предложением. Но сил сегодня уже и правда нет ни на что. Герой-любовник из меня будет никудышный.

– Счет.

Девушка кивает и быстро удаляется.

– Какие планы на вечер? – улыбнулась Жанка, подмигивая.

– Устал. Приеду, отключусь.

– Н-да? Раньше мог днями не спать... и ночами тоже.

– Волокиты с этим объединением и запуском отеля – море. Да и прием этот завтра.

– Раньше ты был не любитель таких мероприятий, что в этот раз потянуло?

– Дочка Серганова настояла. Якобы проявляем уважение к соучредителям и коллективу. Нравится или нет, но появиться я обязан.

– Умная у Серганова дочка, – усмехнулась любовница. Достала зеркальце и со «вкусом» начала подкрашивать губы ярко-алой помадой. Я, как замороженный, смотрел на это эротичное действие, но в голове всплывали другие «краски». Понимаю, что этот цвет неожиданно начинает жутко раздражать и смотрится слишком вульгарно. Хотя Жанну обвинить в плохом вкусе, ну, никак нельзя. С чего-то вдруг мои пристрастия начинают меняться? Смешно, но, смотря на губы любовницы, я вспоминаю другие. Розовые, пухлые и соблазнительно-нежные губы Алии. Они не идут ни в какое сравнение с тонкими и упрямыми сидящей напротив девушки. Я чёртов маньяк.

Спросите, с каких пор я думаю о дочери друга? Да, твою мать, с тех самых выходных! Когда эта особа снова появилась в моей жизни. Влезла в голову и не отпускает уже целую неделю. Нет-нет, а мысли уносятся к ней. Предстаёт она в них чаще всего не в самом ванильном свете.

– Во сколько быть готовой? – прервала поток непристойностей в моей голове Жанна. – Кстати, костюм уже забрал?

А то я могла бы заехать. У меня вечер свободен.

– Заберу в районе семи. Костюм уже дома.

Мобильный в руках завибрировал, напоминая о себе. И правда, уже почти час «маринуюсь» в этом кафе, а противный гаджет молчит. Непорядок.

Бросаю взгляд на экран.

«Серганов Дмитрий».

– Я пойду в дамскую комнату, – бросила Жанка, хватая сумочку. Я молча киваю и отвечаю на вызов.

– Привет, Стельмах. Не отвлекаю? – бодро начал партнер.

– Привет, Димыч. Нет, пока полностью в твоём распоряжении. Чем обязан?

– Да вот просьба к тебе есть. Дело особой важности...

Странный тон у Серганова. Мнётся и тянет, будто по минному полю ходит, подбирая слова. Ох, пятой точкой чую: просьба мне не очень понравится.

– Привет, принцесса.

Присаживаюсь на корточки рядом с девчушкой, опасаясь, как бы не дёрнула от малознакомого мужика. Но Майя неуверенно переступала с ножки на ножку в своих забавных желтых сапожках и бежать вроде не собиралась. От ребенка поразительно пахло «детством». Ну, знаете все эти запахи: каши, молока и детского сада. Отдаваясь тупой болью где-то в груди, они «уносили» на много лет назад в моё детство. К тому моменту, когда оно еще не стало полным дерьмом.

– Помнишь меня? – крайне неуверенно поинтересовался.

А то кто знает, она видела-то меня всего раз в жизни.

Мышка кивнула. Пухленькие щечки мило покрылись румянцем, а губки растянулись в озорной улыбке.

– Пливет, дядь Алтем.

В маленьких ручках зажат розовый, пушистый рюкзак, а на голове смешная шапка с ушками. Ангел просто. Чем же я присутствие такого невинного существа в своей жизни заслужил?

– Мышка... кхм... я не очень знаю, как бы... правильно выразиться...

Пиздец ты, Стельмах.

Попытался выдавить из себя что-то разумное, но общаться с детьми я явно был не мастак. Вдохнул полной грудью, собирая мозги в кучу.

– В общем, я за тобой, малышка. Мама попросила забрать тебя из сада.

А это, кажется, слишком резко прозвучало.

– Муся на лаботе, да? – надулись пухленькие губки. Длинные, пушистые реснички затрепетали. Так! Стоп, слезы. Главное без слез.

– Только не плачь, мышка, хорошо? – протянул руку, поправляя сбившийся шарфик. Я, конечно, тот еще нянь, но на таком ветру не должно быть открыто горло. Простудится еще. – Маму задержали на работе...

– Злые звезды, да? – спросил любопытный гном. – Мама

дома всегда на них ругается.

Чудо-ребенок!

– Да, наверное. Но, она постарается освободиться как можно быстрее и придет за тобой.

Почесал затылок. Соображай, Стельмах. Как с детьми разговоры ведутся. Почему-то обычно работающий в критические ситуации мозг сегодня функционировать отказывался, оставляя меня со своей «маленькой проблемой» один на один.

– Давай мы с тобой пока поедем ко мне и мультики посмотрим. Любишь мультики?

– «Плинцессу лебедь» посмотрим? – вмиг засияли изумрудные глазки.

Ладно. Уже мы не на грани слез, плюс мне в карму.

– Посмотрим, – кивнул я, прикидывая в голове, что вообще за «зверь» эта принцесса лебедь. Детское настроение, как качели. Помани мультиком с шоколадкой, так они предков продать готовы.

Беру малышку за руку, направляясь к припаркованной у ворот машине. Ее миниатюрная мягкая ладошка теряется в моей большой грубой ладони. Я даже сжать пальцы боюсь, как следует, чтобы эту хрупкую куколку не раздавить. Майя торопливо семенит за мной, крепко вцепившись крохотными пальчиками в руку. Мои взрослые шаги для нее кажутся гигантским. Хоть я и старюсь идти медленно, малышка все равно чуть ли не бежит за мной. Следовало бы, наверное,

взять ее на руки, но я даже этого делать не умею.

Серганов, конечно, удружил.

Жанка сидит в машине. По дороге в сад я вызвался подвезти ее до студии. Теперь вот думаю, зачем я так сделал? Вопросов не оберешься.

Кое-как умудряюсь пристегнуть не приспособленным для детей ремнем безопасности маленькую госпожу и занимаю водительское сиденье.

Подруга слегка приоткрыла окно, посмотрела на меня и с удивлением выгнула идеальную бровь.

– Это что? – прошептала любовница одними губами.

– Ребенок, Жанна.

– Что Стельмах, докувыркался? – ухмыляется подруга. Достает из сумочки пачку сигарет и неравно теребит в руках.

– О чем ты?

– Егоза зеленоглазая, – девушка машет головой в сторону задних сидений. – Любовница в подоле принесла?

– Чушь не неси! – от такого предположения даже рука на руле дрогнула. – Это внучка Серганова.

Я выруливаю с парковки, прости господи, садика «Ласточка» ивливаюсь в поток озабоченных родителей и их чад. Да, Стельмах, вот и попробуй на своей шкуре роль заботливого папашки. Желание заводить детей и так никогда не посещало, а тут вообще удавятся все зародыши окончательно.

– Странно, – прерывает молчание любовница, слегка косясь в сторону Майи. Я бросаю взгляд в зеркало заднего ви-

да и улыбаюсь. Малышка что-то сама себе играет с куклой и поет под нос какую-то очень знакомую песенку.

– Что странного?

– Глаза разуй, Стельмах. Глазюки зеленые, скулы, волосы чернющие. Мелочь же – твоя копия.

– Ерунды не говори, – одернул подругу. С чего ей быть на меня похожей? Я и Алия даже не...

Твою ж...

– Я, конечно, мать не видела... – Жанка что-то еще сидит, рассуждает, а я снова смотрю на мышку. В голове набатом бьют слова любовницы: прямо по черепной коробке, грозя разорвать изнутри. Да нет, на хер. Отвожу взгляд, а спустя мгновение снова бросаю его на внучку Серганова. Качаю головой, отрицая самую возможность. Так не бывает. Не в реальной жизни точно. Не может этого быть. Из меня никакой отец, да и мы предохранялись. Не могла резинка дать сбой. Или могла?

Пока я «плаваю» в мыслях, Жанна своими длинными пальцами цепляет из пачки тонкую сигарету и щелкает зажигалкой.

– Жанна, в машине ребенок.

– И что? – искренне удивилась дамочка.

Чувства материнства у этой особы тоже было атрофировано.

– Нечего ее никотином травить.

– Но я курить хочу, – удивленно выдает подруга и смот-

рит на меня своими большими карими глазами. – Почему я должна из-за чужого ребенка в чем-то себя ущемлять, Стельмах?

– Потому что тебе тридцать два, и у тебя должны быть элементарные зачатки мозга. Если себя ты этой ерундой травмишь, ее не смей.

Не знаю почему, но это безразличие меня задевает. Я выдергиваю из рук любовницы сигарету и вышвыриваю в приоткрытое окно.

– Артём!

– Потерпишь.

Жанка покачала головой и усмехнулась.

– Ну, давай, продолжай в том же духе. Раз себя ущемляешь в чем-то. Два. Три, а потом вот такие восемнадцатилетние лбы садятся тебе на шею и радостно болтают ножками. Почему? Потому что тебе ж тридцать два, а она мелкая.

– Я не мелкая! – слышим неожиданно прорезавшийся с задних сидений звонкий голосок. Столько обиды прозвучало, что даже мое ледяное сердце неожиданно дрогнуло. Дрогнуло и вытолкнуло волну злости на сидящую рядом девушку.

Резко виляю рулем, пересекая, к чертям, две сплошные. Сбрасываю скорость и с визгом шин торможу на обочине.

– Если так жестко горят трубы, могу высадить прямо здесь. Покуришь, пока пятнадцать километров пешком прохреначишь.

Разворачиваюсь и жду реакции девушки. Глаза по пять копеек, на лице выражение полного изумления. Жанна не дура и достаточно хорошо меня знает. Понимает, что спорить со мной чревато. Особенно на моей территории.

– Всё, ошибку осознала! – примирительно поднимает руки любовница и, пока я снова вливаюсь в поток машин на автостраде, поворачивается к Майе. Смотрит на внучку друга и улыбается.

– Извини, я не хотела тебя обидеть, кнопка.

– Я не кнопка, я мыска! – уверенно выдала маленькая госпожа и надула губки. Я ухмыльнулся, чувствуя, что характер свой она от матери унаследовала. А еще, походу, Жанна ей не очень-то и понравилась. Интересно.

– Кто? – нахмурилась Жанна.

– Мышка. Мать ее так зовет.

– М-м-м... ясно. А мать, наверное, красивая?

Вроде и у ребенка спросила лиса, а смотрит на меня. Очевидно, ожидая моей реакции. Краем глаза замечаю, как Майя активно кивает головкой, от чего озорные кудряшки смешно пружинят.

– Класивая!

Оборачиваюсь к ребенку и подмигиваю, отчего та забавно прячет лицо в миниатюрные ладошки и хохочет. В зеленых омутах ее глаз плещется такая гордость и любовь к родительнице, что я невольно и сам вспоминаю образ голубоглазой блондинки.

До одури горячая. Но любовнице я об этом говорить не собираюсь. С ней я еще «продуктивно сотрудничать» намерен.

– А ты так же считаешь, а, Тём? Ну, как мужчина?

– Что ты к этой теме так привязалась?

– Любопытно просто. Для детей-то их предки всегда самые лучшие...

– Не всегда, – машинально возражаю, но тут же одергиваю себя. – И да, я тоже так считаю. Довольна?

Слышу язвительный смешок и тяжелый мученический вздох.

– Ой, Тема, Тема... – растягивает губы в улыбке Жанка.

– Что?

– Смотрю, лед уже тронулся.

Глава 11. Стельмах

Высадив Жанку, мы заехали в супермаркет. Надо же было чем-то накормить чужое чадо. А дома, кроме виски и повесившейся в холодильнике мыши, ничего нет.

– Дядь Алтем, а у тебя есть дома зивотные? – крутилась юлой любопытная мелочь.

– Нет.

Боже упаси! Дядя Артём иногда себе-то не в состоянии еду приготовить с таким ритмом жизни. Любая животина бы уже сбежала или вздернулась на хер... на собственном хвосте.

– А иглушки у тебя есть?

– Не по возрасту дяде Артёму в игрушке играть.

Да уж, в мои годики слово «игрушки» значит немного другое.

– Давай купим?

– Зачем мне дома игрушки, мышка?

– Я буду к тебе в гости приходить. Ты со мной играть будешь.

Засмеялся от такого уверенного заявления. На меня стрельнули не по-детски серьезным взглядом, отбивая всякое желание шутить. Хорошо хоть игрушки попросила, а не кошечку или собачку. Почему бы не исполнить небольшой каприз юной леди? Всю эту шелупонь потом отдам Алие.

Вряд ли она будет в восторге от идеи: «Майя в гостях у Артёма».

– Хорошо, как скажешь.

Усадил ребенка в тележку, чтобы не потерять нечаянно где-нибудь и направился в торговый зал. Народу было тьма. Оно и не удивительно – самый час пик. Я шел между стеллажей и крутил головой, как китайский болванчик. Уже и не помню, когда в последний раз вот так просто ходил по магазинам. Обычно времени на это нет. Предпочитаю доставку или, что чаще всего, ем в ресторане.

– Так, мышка, чем тебя муся кормит?

Тяжёлый вздох и осознание, что до сорока лет дожил, а ума так и не нажил. Мимо проносились куча банок, склянок, пачек и еще масса всякой ерунды. Что из этого можно детям, а что нет – я без понятия.

– Хопья, касу, йогурты, – загибала пальчики малышка, с важным видом катаясь в продуктовой корзине.

Отлично.

Только вот загвоздка: в кашах, йогуртах и хлопьях я был полный профан.

– А может, суши или пиццу, такое не ешь?

– Пиццу муся не лазлишает, а шуши я не знаю, что такое, – пожалала зеленоглазая девчушка плечиками и улыбнулась.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Я достал мобильный и пролистал последние входящие смс. Димыч где-то скидывал номер дочери. Лучше напишу,

узнаю, а то накормлю сейчас ребенка чем-нибудь не тем. Голову мне потом снесут с плеч. Эта дерзкая девчонка может. За выходные убедился.

– А сок тебе муся разрешает? – спрашиваю, быстро пробегая пальцами по экрану. Набираю матери принцессы сообщение.

«Привет. Чем зеленоглазое чудо кормить?»

– Лазлишает, – широко улыбается мышка. Тянет свои миниатюрные ручки и достает с полки разляпистую коробку какого-то «Фруктового сада». – А еще тортики можно.

– Точно не обманываешь дядю Артема? А то муся потом будет меня ругать.

– В угол поставит, да?

Ох, эта может... так, тормози свои пошлые мысли, Стельмах.

– Именно.

– Тогда не лазлишает. Ну, только если во-о-о-от столько... – смешно складывает мышка пальчики и щурит глазик.

– А ты знаешь, что врать плохо? – легонько щелкаю по носу хитрую хохотушку.

– Я не влу. Я недоговаливаю.

Вот такой фразочки я точно не ожидал.

– И кто тебя такому научил?

– Сама. У муси услышала.

Дети, как губки: готовы впитывать и впитывать. Иногда не самые хорошие выражения.

Мобильный вибрирует в руке. Пришел ответ от Алии. Девушка достаточно быстро среагировала. Наверное, как трясущаяся над своим цветочком родительница, сидит, не выпуская гаджет из рук.

«Привет! Сейчас скину сайт ресторана, у них там есть детское меню. Покажешь мышке, она сама выберет, что хочет»

Следом прилетает ссылка на тот самый ресторан.

– Ну вот, твоя мама и решила нашу дилемму с едой.

– А что такое динема? – коверкает слово Майя. Взгляд, полный любопытства.

Простой вопрос. Вроде не дурак. Два высших, а завис.

– Дядь Алтем...

– Как бы тебе объяснить. В общем, дилемма – это когда не можешь что-то выбрать.

Майя с пару секунд молчала и неожиданно выдала:

– У муси каждое утло динема, – сказала малышка, смеясь и мило прикрывая ротик ладошкой.

– Да?

– Угу, – и добавляет шёпотом, – она долго выбилает, что надеть.

Потрясающий ребенок. Я широко улыбаюсь и тихо посмеиваюсь. Ох, опасно оставлять мелких с чужими людьми. В таком возрасте они за чистую монету все воспринимают. И сдадут с потрохами.

Возвращаю внимание на экран телефона. Набираю ответ, когда приходит еще одно сообщение от Алии.

«Артем, прости, что побеспокоили. Спасибо тебе огромное!».

Да уж, пожалуйста.

Убираю мобильник, так и не найдясь с ответом.

– Ну что, держим путь на отдел игрушек?

– Делжим. Нам туда! – хлопает в ладошки девчужка и тычет пальчиком в сторону заветных стеллажей.

Отчего-то чем дальше, тем больше я начинал ловить кайф от этого вечера.

– У тебя такая басая масына! – восторженная округлила глазки мелочь, семена за мной по подземному паркингу.

– Нравится? – улыбнулся я, бросая взгляд на свою новенькую infiniti. Да, «девочка» была что надо. Сам не нарадуюсь.

– Д-а-а. И мусе понлавилась.

– Правда? – а вот этим я уже удивлен.

– Угу, – волоча свой рюкзачок, пропела мышка.

Вроде ерунда, тщеславием никогда не страдал, но отчего-то приятно.

Пока шли до квартиры, я еще не раз слышал удивленное «Вау!» от ребенка. Это ее так впечатлило фойе в дорогом жилом комплексе. Второй и третьей, по популярности, фразами было: «А это что, дядь Артём?» или «А это как, дядь Артём?». Обычно меня всегда раздражали детская навязчивость и непрекращающийся лепет. Но почему-то сегодня я воспринимал это спокойно. Даже было любопытно наблю-

дать всю гамму чувств маленького человечка, теряющегося в огромном мире больших людей. Может, планеты по-особому встали? Типа, Марс с Венерой в третьем доме и прочая херня.

Доставка пришла быстро. В этом «Белом Аисте» оказалось на удивление обширное меню и расторопные повара. Мы с ребенком только успели переступить порог холостяцкой берлоги, и тут же подтянулся наш ужин. Пока я доставал карту, чтобы рассчитаться, эта зеленоглазая юла и курьера, молодого пацана, успела разболтать и очаровать.

– Классная у вас дочурка! – кинул парень напоследок и ретировался.

Я дернул галстук, избавляя себя от «удавки». Меня уже третий раз за день словно обухом по голове. Дожился. Сначала Серганов со своей просьбой, потом Жанка со своими намёками на сходство, теперь этот студент. Почему-то у меня такое ощущение, что жизнь мне готовит какую-то фееричную, мать ее, подставу.

Покачал головой и вернулся к «гостье», которая самозабвенно разбирала огромные пакеты с «Планеты детства». Игрушек, надо сказать, мы накупили столько, что до восемнадцати лет хватит. С ужасом представляю, что все это великолепие рискует поселиться у меня в квартире, и как-то сразу дурно становится. Нет, спасибо, не надо мне такого счастья. Вручу «подарки» ее матери, когда забирать придет.

Если вдруг, в чем я сильно сомневаюсь, судьба снова за-

несет это зеленоглазое чудо в мою квартиру... новые куплю.

Когда пришло время ужина, пришлось извращаться. Такие важные особы, ниже метра ростом, ко мне еще не захаживали. И, как оказалось, холостяцкая «берлога» совершенно не предусмотрена для детей. Когда устраивались на кухне, пришлось Майе под попу подкладывать подушки, а то с размерами стола на поверхности только макушка торчала.

– Пасибо, дядь Алтем! – подскочила в ворохе подушек маленькая госпожа.

– Пожалуйста. Ну что? Дальше чем займемся?

Выбросил одноразовые контейнера и замер у стола. Майя забавно вертелась в попытке слезть с «высокого» подушечного стула. Пришлось подстраховать, чтобы любопытным носиком в пол не улетела.

Накормить, накормил. Дальше что?

Понятия не имею, как развлекать детей. В карты явно мало играть, в догонялки уже я стар. Прятки? Представил себе такую картину, как я сорокалетний детина куда-нибудь в шкаф полезу. Смешно до слез.

–Плинцессу лебедь.

Ах, да, точно.

Майя напрочь проигнорировала огромный кожаный диван в гостиной. Быстро сориентировалась и уже оккупировала высокую, широченную кровать в моей спальне. Окружив себя кучкой мягких игрушек, самозабвенно скакала и

подлетала чуть ли не до потолка. Удивительно: сплю на этом плацдарме уже почти месяц, а не замечал, что такие охрененные пружины.

На лице ребенка выражение запредельного счастья. По всей квартире стоит заливистый хохот, как звон колокольчиков. Зашел в комнату да так и остановился на пороге.

Дочь. Наверное, это круто, когда у тебя есть дочь. Вон, Серганов в своей души не чает. Сын – это одно: продолжение рода, дисциплина, жесткий контроль. А дочь – это другое.

Я не совсем дикий человек из дремучего леса. Детей видел и немало, но не контактировал. Вон уже половина друзей пережилась и нарожала где по два, а где и по четыре «цветка». Только раньше не задумывался о том, хотел бы своих? Сейчас смотрю на дочь Алии и неожиданно для себя понимаю, что хотел бы. Но только если такую, как Майя – маленький жизнерадостный моторчик.

То, что Жанка в машине намекнула, что Майя похожа на меня? Да. Похожа. Но сомневаюсь, что Алия бы оставила ребенка от случайной связи. Не похожа она на ветреную и безмозглую особу. А схожие черты можно найти в любых лицах, однако родственниками нас это не делает.

Успокаивал себя, а внутри все равно «жрал» червячок сомнений. Можно было, конечно, спросить в лоб у самой матери, но кто я ей такой и где гарантия, что мне не плюнут в мою наглую рожу. Она и так, по виду, едва сдерживается, чтобы не съездить мне по голове чем-нибудь тяжелым. По-

ложа руку на сердце, ее можно понять.

– Дядь Алтем, а это что такое? – вывел из ступора звонкий голосок.

Я перевел взгляд на зажатую картонную коробку в ладонке девчухи и охерел. Твою мать, Стельмах!

– Это шалики? – покручивая пачку с презервативами в руках, спросила мышка. Высунув язычок, упорно пыталась открыть находку.

– Да... кхм... шарики. Для взрослых.

Что б этим... кхм... креативным дизайнерам упаковок долго и сытно жилось! Надо же было придумать гребаные шарики на пачке нарисовать. Боги маркетинга просто.

Я протянул руку и как бы невзначай выцепил несчастную пачку из ручек малышки, быстро пряча в задний карман. От греха подальше. Рано еще половым воспитанием заниматься. Мать ее узнает, мне потом такое «половое» устроит.

– Давай надуем шарики? – мгновенно забыв про новые игрушки, выдала егоза.

– Давай в другой раз. Сейчас мы лучше найдем твой мультик.

Где я сейчас возьму ей шарики? Не латекс же надувать, в самом деле. Вообще понял, в холостяцкую квартиру ребенка лучше не водить. От греха подальше. Тут слишком много "острых" углов: или сама убьется, или психику свою "убьет".

Присел на край кровати, хватая два пульта. Осталось сообразить, как это работает. Квартира новая, техника тоже.

Времени у меня «залипать в зомбоящик» нет. Поэтому и как он работает, я хер знает.

– Сейчас посмотрим, как это включается.

Пока я с умным видом тыкал по кнопкам, мышка подошла ко мне со спины. В первое мгновение был порыв сделать ребенку замечание. Пунктик у меня был серьезный, еще с детства. Но когда она навалилась всем своим мизерным весом на меня и обняла за шею – я перестал дышать. Девчушка сомкнула в кольцо свои коротенькие ручки и уткнулась щечкой в затылок – я растерялся. Внутренности стали отплясывать какие-то странные па.

– А ты еще возьмешь меня в гости?

Я просто впал в ступор. Это было так... в новинку. Так необычно и странно волнительно. Ощущения, не сравнимые ни с чем. объятия маленьких худеньких ручек с аккуратными мягкими пальчиками сильные. Хватают уверенно и даже не за шею. За душу.

– А ты хочешь еще приехать? – голос неожиданно для меня самого звучит тихо. В тоне пробиваются нотки какой-то затаенной надежды в ожидании ответа.

– Хочу. Ты холосый, дядь Алтем.

Выпускаю из рук пульт и накрываю ладошкой маленькие кулачки. Странно это все. И то, что в груди щемит, и в сердце ноет. И то, что ловлю необычайный кайф от осознания, что все это искренне.

Я уже забыл, каково это, когда тебе говорят «ты хороший»

просто так. А слова «я тебя люблю» я в своей жизни и подавно не слышал ни разу. Проблемы с детства. Алия очень правильно воспитала дочь. Ее любят, ее обожают, ей дышат. У меня такого не было, родители мои были редкостным дерьмом. Может, поэтому долгие годы считал себя чурбаном бесчувственным, а сейчас... внучке Серганова хватило пары часов, чтобы, как выразилась Жанка, «лед тронулся».

Как там говорят? Дети все чувствуют. Может, и я не настолько безнадежен?

– Давай мультики! – вырвала из мыслей мышка и чмокнула в небритую щеку.

Глава 12. Алия

Время уже почти двенадцать часов, а я только еду за ребёнком. Мчу по указанному Стельмахом адресу. Куда это годится, чтобы моя мышка весь вечер просидела с малознакомым ей мужчиной. Майя, наверняка, испереживалась и устроила Артему веселый вечерок. Хотя, надо отдать должное, я не получила от него ни одного смс. Даже ответа на свое чистосердечное «спасибо».

Подъезжая к дорогому и презентабельному жилому комплексу, не смогла сдержать ухмылки. Да, другого от Артёма и не ожидала. Это так на него похоже: жить с размахом, широко шагая. Насколько я знала, в Штатах у него свой особняк. Отец как-то ездил по работе и останавливался у него. Так мне в таких красках и до мельчайших деталей расписали интерьер, что этот проклятый дом еще несколько недель снился ночами. Естественно, вместе с хозяином.

Оставляю машину на парковке и, плотнее закутываясь в пальто, спешу за ребенком. Поднимаюсь на двадцать восьмой этаж и замираю у двери квартиры. Звонить долго не пришлось, Стельмах открывает почти моментально.

– Привет, – улыбнулась я, пробегая взглядом по мужчине. Внутри буря. В груди, как всегда при виде него, щемит. Прячу руки в карманы пальто, чтобы не выдать своего волнения. Главное, помнить: тон учтивый, взгляд холодный. Стельмах,

как всегда, чертовски хорош. Ожидала увидеть что-то вроде «домашнего прикида», но нет. Он, наверное, и спит в рубашке и брюках.

– Привет, проходи.

Артём отступил, пропуска меня в свои хоромы. Краем глаза отмечаю: взгляд уставший, но не катастрофично.

Я процокала каблучками в гостиную, ожидая слышать шум и гам или, как минимум, истерику, но нет. В квартире тишина. Свет не горит. Майи не видно.

– А где мышка?

Артемом едва уловимо кивает. Я прослеживаю за его взглядом и делаю неуверенный шаг, стараясь сильно не шуметь, потому что на огромной кровати в ворохе мягких игрушек в позе звезды сладко посапывала моя зеленоглазка.

– Да ладно? – округлила в удивлении глаза, посмотрев на мужчину. Он присел на спинку дивана, скрестив сильные руки на груди.

Чтобы мышка уснула в чужой квартире, да еще и без матери под боком? Это немислимо. Была у моей девочки такая особенность – не могла она спать вне дома. Исключительно на своем месте. Вот, хоть убей. Даже в поездках из-за этого возникали проблемы. Поэтому я редко брала ее с собой за границу.

– Что ты с ней сделал? – прошептала одними губами.

– Поели, посмотрели какой-то странный мультфильм... принцесса там какая-то...

– Лебедь, – улыбнулась я. – Ее любимый мультфильм.

– Да, кажется, она. Усатый нянь из меня, конечно, так себе, но твоя дочка не жаловалась. Даже сказала, что я хороший и пообещала еще прийти ко мне в гости, – усмехнулся Стельмах, устремляя свой взгляд на маленькое чудо, затерявшееся на огромной хозяйской кровати.

Мы, женщины, любим иногда приукрашивать действительность, но хотелось бы верить, что вмиг потеплевший взгляд Артёма – это не игра моего разума. Неужели мышке удалось растопить сердце этого мужчины? Может, я сделала роковую ошибку, когда не сказала ему о беременности? Может, может – опять сплошные догадки и надежды. Надоело.

Эх, Артем. Знал бы ты, что Майя не только моя дочь.

Я устало вздохнула, припадая плечом к стене, бросая взгляд на часы. Начало первого. Отлично. Завтра еще прием в фирме отца и Артема. И я должна там быть. Но силы реально уже были на исходе.

– Все хорошо? – вроде как ровным тоном спросил мужчина, но в глазах промелькнуло беспокойство. Или это опять мои потаенные фантазии? Ведь с чего бы ему за меня волноваться?

– Тяжёлая неделя.

Сморщилась, припоминая, чего стоили только сегодняшние переговоры.

Я обернулась, рассматривая пустую гостиную. Дорого, масштабно и пусто. Видимо, хозяин еще не успел толком об-

жить свой уголок, от чего гигантские апартаменты казались холодными и неудобными. Правда, всю обстановку «разбавляли» игрушки, которые были совсем не к месту в сугубо мужской квартире. И которые были разбросаны в хаотичном порядке по всей гостиной и кухне.

– Откуда у тебя столько игрушек?

– Ночами играю, Лия.

– Я, конечно, слышала теорию, что мужчины – вечные дети, и первые сорок лет детства самые тяжелые, но.... – поднимаю плечами, Артем тихо посмеивается и качает головой, а у меня по телу разбегаются мурашки от низких, вибрирующих звуков.

– Особенно вот эта Барби мне нравится, – поднимаю валяющуюся в ногах куклу в розовом платье.

– Дарю. Твоя принцесса, кстати, успела поиграть каждой.

– А теперь, если серьезно, не говори, что все это ты купил ей!

– Хорошо. Не буду.

– Артём! Не надо покупать все, что она просит, – хмурюсь я.

Да уж, узнай Майя, что Артем ее отец – крутить станет им только так, а тот и рад будет стараться. Надеюсь. А ведь так и разбаловать недолго. Хотя кого я обманываю: она у меня и так получает все, что просит. Ее ангельское личико и большие отцовские глазюки творят чудеса.

Мы замолкаем, как два упрянца, «бодаясь» взглядами.

Сбрасывая всякую лёгкость и шутовство, делаю шаг в сторону Стельмаха. Не знаю почему, но ощущаю острую необходимость оказаться к нему ближе.

– Правда, спасибо за то, что выручил сегодня.

– Без проблем. Обращайся.

Пристраиваю куклу на диван, случайно задев локтем Артёма, быстро отдергиваю руку. Ощущение, как от удара током. И, похоже, не у меня одной.

– Кхм... – откашливается Стельмах, прерывая неловкое молчание, – а это вам придется забрать с собой.

– Да ты шутишь?!

Ну, нет. Точно нет!

– У нее уже и так вся детская завалена игрушками, – давлею в себе детское желание надуть губы, как это делает обычно мышка. Артём только пожимает плечами, совершенно не проникаясь моей трагедией.

– Кстати, хочешь чай? Благодаря твоей дочери у меня дома появилась еда.

– А до этого ты чем питался? Святым духом?

– Почти. Дома я бываю крайне редко.

Соблазн велик, и внутри все так и вопит, уговаривая задержаться. Провести больше времени рядом с ним, но я понимаю: ни к чему хорошему это не приведет. Потом только будет больнее, когда в очередной раз меня поставят на место, показав, что ровным счетом я ничего для него не значу.

– Спасибо за предложение, но надо будить мышку. Пора

домой. Тебе тоже надо отдыхать. Помнишь про завтрашний прием?

– Не напоминай. Терпеть все это не могу.

– Придется.

Да, Артема Стельмаха вряд ли можно было бы назвать медийной личностью. Сколько себя помню, если была возможность избежать большое скопление народу, он с успехом это делал.

Покачала головой, сбрасывая наваждение и непрошенные воспоминания. Прошла в хозяйскую спальню и почему-то первое, что бросилось в глаза – отблески с потолка. Перевела взгляд и почувствовала, как дыхание сдавило. Ужас, как... возбуждающе пошло.

– Стекланный потолок в спальне? Seriously? – перевела взгляд на хозяина этого разврата. Оказывается, Стельмах прошел следом за мной, останавливаясь в паре шагов в любимой позе: руки в карманы брюк. Инстинктивно хотела отступить, испугавшись возникшего магнетизма и настойчивого желания прикоснуться к его непоколебимой фигуре, но ноги отказывались слушаться. Тяжёлый мужской взгляд из-под ресниц словно окутывал. Обволакивал вязкой, тягучей паутиной, в которую я с успехом начала залипать. Вкупе с интимным полумраком и давящей тишиной – не самая хорошая обстановка, чтобы остаться с ним наедине. Майя спит крепко, тихонечко посапывая. Ребенку нет никакого дела до того, что тут происходит, а я дама слабовольная, особенно,

когда дело касается его. Так что надеяться на мое благоразумие опасно. Он мой раздражитель. Моя боль и запретная любовь.

– Мышке понравилось. Удобно, говорит, рожицы строить по утрам, – больше прохрипел, чем сказал мужчина.

– Мы-то знаем, что такую ерунду далеко не для рожиц делают, – усмешка выходит немного нервной. Лучше замолчи, Алия, остановись. Видишь же, как стремительно темнеют зеленые глаза, и напрягается вена на шее.

Стельмах молчит, отпуская голодный взгляд на мои чуть приоткрытые губы. По спине пробегает холодок, когда он делает шаг в мою сторону. Всего один, но неминуемо сокращающий и до того небольшое расстояние между нами. Шагает да так и замирает.

– Артем... – выдыхаю я, предостерегающе упираясь ладонью в каменную мужскую грудь, борясь сама с собой и со своими желаниями, собирая последние крупницы самообладания в дрожащие кулачки. Его сердце, так же, как и мое, несется в бешеном ритме. Соблазн сделать последний шаг невероятно велик. Он близко. Слишком близко. Я смотрю в эти зеленые глаза и теряюсь, не понимая, что творю. Стоя рядом с ним, ощущаю себя маленькой, хрупкой девчонкой. Теряюсь на фоне мощной мужской фигуры и, даже несмотря на каблуки, смотрю на него снизу вверх.

– Лучше остановись сейчас, Лия. Я не железный, – шепчет мужчина. Я чувствую, как одна ладонь, медленно оглаживая

щеку, путается в волосах и сдавливает затылок.

Стоит ему только нарушить границы моего личного пространства, как с меня стремительно слетает вся спесь и горор.

Какой тут учтивый тон, холодный взгляд! Тут бы лужицей не растечься от одного его прикосновения. Все мои оборонительные стены из дерзости и самоуверенности дают трещины, отдавая меня в полную его власть.

– Что ты со мной делаешь, дерзкая девчонка... – выдыхает Стельмах, и я делаю последний шаг, разделяющий нас. Как загипнотизированная, абсолютно перестав контролировать себя и свои действия, я тянусь вперед. Миллиметр за миллиметром. Стельмах замер и не двигается. Только смотрит, упрямо сжав губы и хмуря брови. Я бы решила, что он недоволен, но учащенное горячее дыхание говорит об обратном. Он не торопится меня оттолкнуть. И это придает смелости.

Я его целую. Так, как мечтала эти долгие пять лет. Без лжи и притворства впиваюсь в желанные мужские губы робким поцелуем и замираю. Секунда, две, три... Артем не отвечает. В тот момент, когда я уже готова сгореть от стыда и проклинала свою глупую самонадеянность, когда готова отступить, чувствую, как мужская ладонь уверенно пробирается под пальто и ложится на ягодицу, притягивая, с силой вжимая в мужское тело.

– Сумасшедшая... – выдыхает Стельмах мне в губы и от-

вечает, выталкивая меня из спальни и припечатывая к стене. Запускает ладонь в волосы, углубляя поцелуй. Дразня языком, обретая полный контроль надо мной. Я бесстыжим образом пробираюсь под край расстёгнутой на груди мужской рубашки и готова стонать от прикосновения к его коже.

Я и правда сумасшедшая, но я горю. От его руки, сминаящей шелковое платье, которое неожиданно начинает давить. Он пробирается под подол, сжимая в ладони ягодицу и прикусывая зубами мою губу, разнося волны необъяснимого удовольствия до самых кончиков волос. Его каменная эрекция упирается мне в живот. От осознания, что он тоже, как и я, «голоден» – ликую. Целует жадно и нетерпеливо, заводя до невозможности, распаяя до предела. Приходится сжать плотнее бедра, чтобы притушить ноющую боль внизу.

Еще чуть-чуть, и я готова была пасть под его натиском. Мне было отчаянно мало и хотелось большего, но Артём отстраняется слишком резко и дёргано. Я вмиг теряю окутывающее тепло его тела и понимаю, что дрожу. Стельмах со звериным рыком уходит в другой конец гостиной, закрывая глаза и, тяжело дыша, вцепляется руками в волосы.

– Алия, забирай Майю и уходите отсюда.

– Что? – щеки полыхают, губы покалывает от воспоминаний о его губах. Пальцы сжимаются, все еще ощущая колющую щетину.

– Уходите. Пока мы не наделали глупостей, о которых оба потом будем жалеть.

– Ты серьезно снова спасовал, Стельмах?! – внутри закипает злость. «Будем жалеть» больно бьет по моему самолюбию и отрезвляет похлеще пощёчины.

– Лия! Я не железный, и когда-нибудь эти провокации очень хреново для нас закончатся.

Зло смотрят на меня затуманенные дымкой зелёные глаза. Сомневаться не приходится, мы сейчас оба вспомнили нашу ночь. Безумие, на которое я его подтолкнула.

– Прости, наивная дура, что с меня взять.

– Господи, да я не...

– Не надо. Я все поняла.

Истерично пытаюсь собрать разбегающиеся мысли в кучу. На автомате бреду в спальню, бужу дочурку, наспех натягивая на своего сонного эльфа одежду, подхватываю на руки и несу в прихожую.

– Муся, мы домой поедим? – сонным голосом, разлепляя глазки, шепчет мышка.

– Да, малыш. Домой.

Артём стоит за спиной и гипнотизирует взглядом стену. Я буквально ощущаю, как накален воздух, и насколько он раздражен. Мои щеки горят то ли от возбуждения, то ли от стыда.

– Пока, дядь Алтем... – шепчет Майя. Делает попытку обнять своего «няня», но я подхватываю кнопку на руки и, как ненормальная, мчу к лифтам. Слышу, с каким оглушительным грохотом захлопывается за нами дверь, и только после

этого выдыхаю.

В очередной раз я сделала этот дурацкий «последний шаг». И в очередной раз меня пнули, как футбольный мяч.

Глава 13. Стельмах

Это будет адская ночь.

Таким разбитым я не ощущал себя очень давно. С момента возвращения в город я вообще перестал понимать, что творится в голове и, мать его, в сердце.

После того, как дверь за «гостьями» закрылась, меня накрыло. Обычно не свойственные мне гнев и ярость затопили рассудок. Раздражало все, и летела к чертям каждая мелочь, попадающаяся на пути. Одному господу известно, каких усилий мне стоило удержать себя и не расхреначить в мелкую крошку несчастный потолок в спальне.

Снова повел себя с Лией, как мудака. Не знаю, что после моего срыва она подумала, но надеюсь, что оттолкнул ее надолго и отбил всякое желание навсегда. Сам перегорю. Хер знает, как, но должен. Она молодая и красивая девчонка, найдет себе нормального, хорошего парня. Который не будет таким скотом, примет мышку и на руках ее носить будет. Для нее я просто взрослый дядя. Больше чем уверен, она запуталась и сама не понимает, чего хочет. Я ей не пара. Я ей никто и таким и должен оставаться. Как бы мне ни было херово и как бы ни ломало, пальцем ее больше не трону. Не имею права сломать девчонке жизнь.

Уговариваю себя, но ее образ так и стоит перед глазами. Горячая. Растрепанная и растерянная, с припухшими от по-

целуя губами и сбившимся дыханием. Этот «срыв», как на повторе крутится в голове, заставляя тихо сходить с ума и сторать миллиметр за миллиметром. Меня просто разрывает изнутри. То, что произошло сегодня... С уверенностью могу сказать: так быть не должно. Я бы смог остановить себя. Удержать. Если бы она не сделала этот шаг. Если бы я видел полное безразличие. Проблема в том, что и ее ко мне тянет. Этот сраный магнетизм вышибает скоп искр каждый раз, стоит нам только остаться наедине. И это нервирует жутко. Выбивает из колеи, превращая меня из уравновешенного мужика в ревнивого, думающего членом пацана.

Сука! Почему именно она?! Что за насмешка судьбы?! Мне хватило одной встречи пять лет назад, чтобы еще почти год планомерно разрушать себя мыслями и воспоминаниями. Перегорел. Затолкал совесть и тягу к ней в самую даль своего сознания. И вот она появляется снова.

Она дочь Серганова. Гораздо, мать его, младше меня. Девчонка, которой нужны отношения, а я такой роскоши предложить не готов. И по хер, что каждый раз, когда она рядом, руки сами тянуться к ней. Что от взгляда голубых глаз замирает все внутри. Это физиология. Глупая и жестокая физиология. Мне нужна она в моей постели. Но я не уверен, что в жизни. В моей жизни никому нет места. Так уж сложилось, что все дорогие мне люди оказывались абсолютным дерьмом. Кидали, оставляли одного, раз за разом рая в сердце. Больше я такого не вынесу. Стоит только пустить кого-то в

свою жизнь, я больше чем уверен – пожалею. Самый большой удар, как правило, наносят самые близкие люди.

Руки чешутся, подталкивая крушить все вокруг. Желание, не получившее выхода, трансформируется в охеренную неудовлетворенность.

Не представляю, как я завтра переживу этот прием. Но после намерен избегать любых контактов с дочерью Серганова.

Будь я помоложе, наверное, ввязался бы в какую-нибудь драку. Или учинил разборки, чтобы выбить всю дурь из головы. Но это не в моем стиле. Не теперь.

Сидеть дома совершенно нет мочи. Перевернутая к чертям спальня и валяющиеся на полу игрушки мышки еще больше выводят из себя, напоминая о том, кто не так давно был здесь.

Вызываю такси и уже через двадцать минут захожу в ночной клуб. Планирую уйти в полнейший отруб до утра, о чем и сообщаю знакомому бармену, предупреждая, что мое пьяное тело затолкать в такси или, в крайнем случае, в кабинет владельца клуба. Желание нажраться и забыться так велико, что первые три рюмки водки я даже не замечаю, они оказываются сначала у меня в руке, а потом внутри. Лью, лью, лью, а мозги так и кипят, «голод» не уходит. Я не пьянею.

– Привет, не помешаю?

Чувствую, как на плечо ложится чья-то рука. Поднимаю

глаза и встречаюсь взглядом с симпатичной девушкой, абсолютно вульгарно одетой. Пробегаю по фигурке – мой типаж. Полная противоположность дочери Серганова. Но когда замечаю цвет волос, хмыкаю и качаю головой. Твою мать! Опять блондинка. Одну оттолкнул, сейчас только второй на мою, к сожалению, трезвую голову не хватало!

– Если скажу, что помешаешь, тебя это остановит?

Опрокидываю рюмку, морщась от горечи во рту. Незнакомка игнорирует мое колкое замечание и садится рядом.

– Не могу смотреть, как ты мучаешься один, красавчик...

Между нами завязывается странный и вроде как непринуждённый треп. Ну как между нами? Говорит в основном блонди, а я молча закидываю в себя рюмку за рюмкой и только изредка киваю. Брожу взглядом по клубу, где мелькают с десятки знакомых лиц и тихо «варюсь в своем котле». Ненависть к себе растет все больше с каждой рюмкой.

Когда внутренняя злость немного отступает, в голову пробирается легкость. Наверное, я вылакал целую бутылку, прежде чем мозг отключается. Перестает думать и анализировать. Остается только желание тела, которое я намерен удовлетворить. Знакомая блондиночка мне в этом поможет.

Вызываю такси, и мы едем в отель.

Заходим в снятый мною люкс, и я даже не включаю свет. Нам не нужны прелюдии. Мне так точно, а она, думаю, осознает, с кем, куда и для чего приехала.

– Несчастливая любовь, да? – подплывает ко мне девушка,

протягивая руки к ширинке брюк, и расстегивает молнию. Не ошибся в ней.

– Тебе не все ли равно?

Не знаю, зачем ей это нужно, да и по хер. Стягиваю пальто и избавляюсь от одежды, припечатываю незнакомку к себе, впиваясь жадным поцелуем в губы. Не такие. Хочется орать и рычать, потому что вкус не тот. Запах не тот. Но мне надо. Иначе я, сука, взорвусь! Но Лию не имею права и пальцем тронуть.

Это пустая интрижка на ночь. Чисто секс. Физика. Потребность. Да, можно называть как угодно, но на самом деле это жуткое желание «вытрахать» засевавший в голове образ.

Домой я возвращаюсь в разбитом состоянии и едва передвигая ноги, уже под утро. Валюсь на широченную кровать, в ворах мягких игрушек мышки, и наконец-то отключаюсь.

Глава 14. Алия

Утро встречает головной болью и мешками под глазами. «А чего, собственно, ты ожидала? – скептически говорит мое выражение лица в зеркале. Тихо прореветь до трех утра, с остервенением стирая мокрые дорожки от слез обиды. Хотела Стельмаха? Получи и распишись. Вот так о тебя одним предложением вытерли ноги и указали свое место.

Провожу ладонью по запотевшему зеркалу и, тяжело вздохнув, прогоняю все мысли прочь. Мне нужно выбраться из города и этой рутины. Подальше от работы и... Артёма. Срочно. Пока эта чернота под названием депрессия не засосала меня окончательно. Смена обстановки всегда помогала. И сейчас поможет. Уверена. С понедельника по среду как раз намечается командировка в Стокгольм. Продлю ее на день два, устрою себе легкую перезагрузку вдали от бытовых проблем. Мышку оставляю с родителями, знаю, они точно против не будут. Сами пинками готовы уже отправить отдыхать.

Накручиваю из волос смешной пучок, наскоро принимаю контрастный душ и плетусь в спальню Майи. Ночью почти всю дорогу от дома Стельмаха малышка проспала. Я как можно аккуратней занесла ее в квартиру, раздела и укутала в одеяло, умудрившись даже не разбудить.

Приоткрываю дверь тонущей в сумраке детской и тихонько плетусь к смешной розовой кровати с рисунками дисне-

евских принцесс по бортам. Зеленоглазка моя сладко посапывает, развалившись звездочкой в ворохе подушек. Присаживаюсь рядом и невесомым прикосновением глажу по головке. Удивительно, как легко она приняла Артёма. Такое ощущение, что чисто на подсознательном уровне малышка знает, что этот человек не чужой. Будто родную кровь чувствует. Сердечко кольнула досада, которую я тут же задушила. Даже если, чисто теоретически, Стельмах однажды узнает, что Майя его дочь, не факт, что он ее примет. Вчера он хорошо дал понять: где он, а где мы.

– Муся... – слышу сонное сопение мышки.

– Дочурка, просыпайся.

Улыбаюсь, когда сонные глазки открываются, и гномик тянет свои маленькие ручки. Я крепко целую в щечку свою малышку и крепко-крепко прижимаю Майю к себе.

– Доблкое утло, – улыбается сонный гномик, целуя меня своими сладкими губками.

— Доброе утро, моя девочка.

Укладываюсь дочурке под бок и еще какое-то время мы просто валяемся, хохоча и болтая. Майя действительно впечатлена вчерашними «посиделками» с Артемом и без усталости щебечет, как ей у него понравилось. Похоже, Стельмах и правда нашел общий язык с малышкой. Что сказать? Я удивлена. И впечатлена. Вечер, который у них так хорошо прошел, закончился нашим любовым столкновением.

В моей спальне трезвонит будильник на телефоне, напо-

миная о записи в салон.

Прием. Точно. А все так хорошо начиналось!

Весь день пролетает в суете. Мало того, что надо собрать себя, так еще и Майю. Ударить в грязь лицом нельзя, слишком ответственно. Много знакомых, коллег, друзей отца... и Стельмах. Почему-то о нем я думала больше всего, пока парикмахер, волшебница Алёна, крутила мне шикарные локоны, а стилист-визажист Ксения прятала корректором мои огромные, как у кенгуру, мешки под глазами. Все время, стоит остаться наедине со своими мыслями, в голову лезет он. Картинками проносятся воспоминания вчерашнего вечера. И болью в сердце отдается чувство стыда. Мне стыдно, что я сделала этот шаг! Стыдно, что поцеловала. И невыносимо обидно, что меня так грубо «оттолкнули». Ведь я видела, ощутила, что для него это тоже был не просто поцелуй. Глаза, горящие огнем, руки, сжимающие так, словно боится, что исчезну. Горячо невероятно. И унижительно до невозможности – оказаться в такой ситуации, когда мужчина прогоняет, как какую-то падшую женщину.

– Гордость, детка, – качает головой Алёна, умело орудуя расчёской и утюжком. – Он не стоит твоих слез...

Не стоит. А было их уже много. Но теперь хватит. Я сдаюсь. Не сделаю больше ни единого шага в его сторону, отпущу его из головы и из сердца. Раз уж это не судьба, я ничего не в силах поделать. Между нами слишком большая пропасть.

Думаю, а сама весь этот шик и лоск навожу едва ли не для него одного. Последний выпад. Хочу, чтобы он видел, что теряет.

Телефон, по обычаю, разрывался, но я его с упорностью барана игнорирую весь день. Только рабочие вызовы, разумеется. Катерина была предупреждена, что в эту субботу я недоступна. И стойко держала оборону офиса весь день.

Начало вечера было назначено на семь. В шесть мы с дочуркой были уже при параде. Ждали, когда мать с отцом подъедут за нами. Поехать на своей машине я отказалась категорически. Хотела выпить хотя бы бокал шампанского. Сесть за руль подвыпившей для меня табу. Именно поэтому роль шафера досталась папе.

– Ой, а вот и наши красавицы! – расплывается в улыбке отец, когда мы с Майей выходим. Разводит руки и ловит мчащую к нему внучку.

– Деда, буся!

– Мамуль, папуль.

Пока иду, стараясь не запутаться в подоле платья, пробегаю взглядом по нарядам родителей. Отец, как всегда, безупречен: идеальный смокинг черного цвета сидит, как влитой. Уверена, подбор костюма – дело рук мамы. Она, кстати, тоже прекрасна. В изящном длинном платье, подчёркивающем ее потрясающую фигурку, выглядит гораздо моложе своих лет.

– Ты прекрасно выглядишь, мам, – улыбаюсь, целуя роди-

тельницу в румяную щечку. – Уверена, все будут думать, что мы сестры.

– Или подруги, – смеется отец. – Девочки мои, вы, конечно, меня простите, – машет рукой папа, – не в обиду тебе, Алия, но самой красивой девушкой вечера я объявляю Майю.

– Да что ты, папуль, мои же гены, – смеюсь, приглаживая выбившуюся из косички прядь дочурки. Она у меня сегодня и правда маленькая принцесса.

А мне уже давно не надо было расточать кучи комплиментов. Я и так была самодостаточной личностью, и с самооценкой, слава богу, был порядок. Длинное, в пол, платье цвета марсала, полностью закрытое спереди, под самый подбородок, и провокационно открывающие спину до самой поясницы, сидело на мне потрясающе. Плюс добавьте сюда трехчасовую укладку: волами ниспадающие светлые локоны и эпатажный Smoky Eyes, подчеркивающий большие голубые глаза в обрамлении густых и длинных ресниц.

Я была хороша. И я это знала.

Но все равно внутри был легкий мандраж. Особенно сильно волновала реакция одного из гостей. Верней, даже виновников торжества.

Прием был организован с размахом. Весь столичный бомонд был приглашен на объединение фирм. Это дело масштабное и громкое. Проведение была организовано в отеле «Плюмаж», один из пятизвездочных творений отца и

его компании. Пересекая сияющий мрамором и хрустальными люстрами холл, радуюсь, что взяла с собой на праздник мышку. Будет повод уйти пораньше. В круговерти прошедших дней чувствую, как усталость не отпускает.

– Лия, привет, – слышу до боли знакомый голос.

– Егор? – бросаю взгляд в сторону и округляю глаза, стелкиваясь с парнем едва ли не нос к носу. – Что ты здесь делаешь?

– Ты потрясающе выглядишь, – произносит парень с придыханием, жадным взглядом пробегая по платью, изучая горящими глазами чуть ли не каждый изгиб тела. Это ты еще спину не видел, дорогой. И вроде должна польститься такая реакция секс-партнера. Ан, нет. Ровно.

– Спасибо, – выдавливаю вежливую улыбку, пробегая глазами по присутствующим в фойе людям. Тихо радуюсь, что отец с матерью увели Майю. Мне сейчас только «знакомства» не хватало. – Так ты...

Пытаюсь подтолкнуть Егора к ответу.

– Фирма «СпецМонтаж»... – машет рукой парень и с надеждой смотрит на меня. Шарю по чертогам памяти, а там пусто.

– Фирма, в которой я финансовый директор, Алия.

Парень с упреком смотрит на меня, качая головой.

– Мы сотрудничали с фирмой твоего отца. А теперь вот и с компанией Стельмаха.

Ясно. Точно. Пустая моя голова. Как я могла забыть!

Именно на одном из таких приемов мы с Егором и познакомились.

– Точно. Прости, в голове каша.

Но парень видит, понимает, что это пустые отговорки. Конечно, я за почти сутки ни разу не ответила на десятки его звонков и смс. Вот вам и «съехала».

– Ладно, проехали. Тебе бы в отпуск.

Мы, не сговариваясь, направляемся в сторону лифтов. Банкетный зал на тридцать пятом этаже, и по всем законам хорошего тона мне следует уже появиться там.

– Сейчас решу текущие вопросы и сразу отдыхать.

– Твои текущие вопросы не заканчиваются, – ухмыляется собеседник, пропуская меня в открывшуюся кабину лифта.

Я молча жму плечами. Ответить мне на это нечего. Лифт ползет катастрофически медленно. Абсолютно не торопится менять цифры на табло.

– Ты знакома с этим Артемом Стельмахом? – вроде как непринужденно спрашивает парень, но по лицу пробегает недовольная гримаса.

– Конечно. Это же друг отца.

Три ха-ха.

– Говорят строгий, властный мужик. В работе просто зверь.

Возможно, в работе и зверь, но в жизни пушистый котик, особенно рядом с Майей. Про себя молчу, я – особый случай и его главный раздражитель, по-видимому.

– Не знаю, Егор. Я с ним не работала.

Вот и весь наш диалог. Чувствуем мы себя рядом друг с другом неловко и немного дёрганно. Думаю, Егор и без объяснений понял, что в наших «отношениях» поставлена точка. Очень надеюсь, что примет он это спокойно и без скандалов.

Когда лифт останавливается на этаже и мы выходим, парень тянется ко мне в попытке приобнять за талию. Я напрягаюсь, понимая, что совершенно не хочу войти в зал вместе с ним, и от моего резкого замечания Егора спасает неожиданно подошедший знакомый. Могу спокойно выдохнуть, потому что парень извиняется и отходит в сторону. Я окидываю его фигуру быстрым взглядом и заталкиваю все сомнения в самую даль своего сердца. Не моё.

Вытягиваю спину, как по струнке, сердце делает кульбит и замирает, предвкушая встречу с тем, кого мне полагается ненавидеть. Подхватываю пальчиками подол платья и едва ли не поступью царицы врываюсь в открытые двери банкетного зала.

Глава 15. Стельмах

Утро встречаю в состоянии полной разбитости. Голова гудит, похмелье жуткое. Открываю глаза, и воспоминания сметают лавиной. Мобильный настойчиво трезвонит где-то в ворохе плюшевого безобразия на моей кровати. Приходится приложить невероятные усилия, чтобы его «откопать». Как только слышу в динамике голос пиар-директора фирмы, который распыляется по поводу задержек рекламы, понимаю, что времени изображать «потерянность» нет. Ташу свое тело в холодный душ и практически пинками вывожу себя из состояния прострации. Более или менее привожу себя в человеческий вид и ухожу с головой в решение проблем.

Забираю машину с парковки и, пока мчу в агентство, с которым заключили договор, чтобы устроить щедрую раздачу люлей, звоню в клининговую компанию. В квартире хаос, а времени заниматься самому, естественно, нет. До вечера ребята должны выкинуть и заменить разбитую технику и привести квартиру в первоначальный вид.

– А игрушки, Артём Валерьевич?

– Какие игрушки?

– Вся спальня и гостиная в игрушках, – растерянно сообщает мне выездной администратор Мария.

– Черт... – про них-то я совсем забыл.

– Выкидываем? Жалко же...

– Выкидывайте! – кладу трубку, чтобы не слышать слезливых возражений.

Точка.

Хватит. Выдирать, так с корнем.

Я и так усердно давлю в себе воспоминания о вчерашнем вечере, стараясь не оставаться со своими мыслями ни на минуту. И хоть перед глазами все еще мелькают проклятые картинки, но раз уж принял решение, то будь добр, следуй до конца. Уверен, Алия через пару лет еще спасибо скажет за наш несостоявшийся «роман».

Еще для полного «избавления» демонтирую этот противный потолок в спальне. Сегодня в пьяном бреду какой чертовщины только не снилось! пытки сном. Существует вообще такое понятие? Потому что именно это, как ни что другое, хорошо характеризует мою сегодняшнюю ночь.

После обеда Жанка неожиданно решила устроить террор мозга со своими фотографиями и макетами обложек. Она тоже получила в свой адрес пару ласковых.

До кучи день делали невыносимым пробки и элементарная нехватка времени, чтобы хотя бы выпить кофе. Поэтому к началу приема я заведен до предела и зол, как чёрт. Еще и Гаевский лыжи намылил за город, будь он неладен.

– Стельмах, здорово. – бодреньким голосом через пару гудков отвечает Макс.

– И тебе не хворать, Гай. Ты ничего не забыл?

В трубке виснет тишина.

– Да вроде нет.

– Прием. В честь объединения фирм.

– Твою мать, так и знал, что Леся что-то напутала в графике! – чертыхается друг, грозясь уволить свою невнимательную секретаршу.

Уволил бы, да только если бы она ему постель не грела.

– Давай, собирайся, и чтобы появился на вечере. Отель «Плюмаж», начало в семь.

– Тёмыч, может без меня?

– Не может. Я какого ... столько бабок вложил в «Рассвет»? Будем связи налаживать. Сам же понимаешь, такие птицы высокого полета – самый быстрый путь к окупаемости.

– Да по подсчетам моих ребят, мы и так выйдем на самоокупаемость уже через три-четыре месяца.

– Много, Гай. Задействуем рекламное агентство, баннеры, флаеры и прочую ерепень. У нас открытие через месяц, так что давай. Хватит булки мять.

– Да я тут кое-что другое мял, пока ты не позвонил и весь кайф нам не обломал, Стельмах.

– Потом закончишь. Отключаюсь.

Собираюсь, натягиваю этот опостылевший синий костюм и заезжаю за подругой в начале седьмого. Отмечаю, что она, как всегда, безупречна: ресничка к ресничке, волосок к волоску. Темное, цвета бордо платье сидит по фигуре как влитое, обтягивая аппетитные формы девушки. Расточаю вежливые комплименты, как истинный джентльмен, открываю

Жанке дверь и морально готовлюсь к долгому вечеру.

– Успокоился немного? – прерывает молчание любовница, когда я забираюсь в машину. – А то утром, как с цепи сорвался.

– Знаешь же, что я не люблю всю эту херню.

Выруливаю на трассу и начинаю нервно отстукивать пальцами по баранке руля.

– Просто было интересно твоё мнение. Ну да ладно. Лучше расскажи, как вчера с зеленоглазой красоткой посидели?

Напоминание о вчерашнем вечере, да еще и в таком ехидном тоне, мгновенно растрясает осевшую было злость.

– Закрыли тему.

Жанна пожимает плечами, и в машине устанавливается тяжелое молчание, которое спустя пару минут становится просто невыносимым.

– Определилась с обложкой? ... – спрашиваю, чтобы хоть за что-то зацепиться. Не могу сидеть в тишине. Потому что ощущаю: чем ближе к семи, тем хуже с нервами. Подруга начинает что-то в красках расписывать, но я, к моему стыду, даже в пол-уха не слушаю. Меня колотит не по-детски, словно в лихорадке. Пока что я не представляю, как переживу этот прием. Внутри идет борьба с самим собой. Понимаю, что до дрожи в теле хочу увидеть виновницу моего полного раздвая. И в то же время, лучше бы ей вообще не появляться.

До отеля, в котором будет проходить прием, доезжаем меньше чем за двадцать минут. Окольными путями, дворами

и закоулками. Город стоит в одной большой пробке и, если Серганов выехал только час назад, боюсь, к началу может не успеть. Как бы на меня вступительная речь не перекинулась.

Мы с Жанной переступаем порог банкетного зала. Первая мысль: дорого, изысканно и со вкусом. Дочка Серганова определенно знает толк в таких вещах. Видно, что организаторы постарались на славу. Обслуживающий персонал снует одетый с иголки, а гости пестрят исключительно новинками из мира моды, разодетые во все цвета радуги.

Пожимаю руки знакомым, здороваюсь с парой-тройкой новых людей и потихоньку «вкатываюсь» в атмосферу вечера. Жанна неумолимо следует за мной и очаровывает подходящих своей льстивой улыбкой. Всем хватает такта не спрашивать, в каких мы отношениях, но думаю, большинство здесь присутствующих и так знают всю мою подноготную.

– Многих ты здесь знаешь? – окидывает взглядом зал подруга.

– Тебе точную цифру сказать?

– Стельмах, я просто пытаюсь поддержать разговор. Ты сегодня весь день на меня рычать собираешься?

– Вот чего я точно делать не собираюсь, так это выяснять сейчас отношения.

Смотрю на любовницу, которая качает головой и застывает с легкой ухмылкой на губах.

– Ты права. Просто настроение – дерьмо.

В конце концов Жанна не виновата в том, что у меня с

головой беда.

– Артем Валерьевич... – слышу, как кто-то зовет, и оборачиваюсь. Наш с Сергановым финансовый директор. Задвигаю все личные проблемы на задний план и наконец-то ловлю рабочую волну. Этот вечер – хороший способ наладить контакты с местными заправками и привлечь новых инвесторов. А это нужно. Если я планирую задержаться на российском бизнес-пространстве. В чем я уже не уверен.

Глава 16. Стельмах

– Шампанского? – спрашивает пробегающий мимо официант, когда мы с Жанной снова остаемся одни. На автопилоте хватаю два бокала, хотя сам не настроен пить. Приехал за рулем и также планирую и уехать.

– Весьма недурно, – поджимает губы спутница, пригубив дорогое Asti. – Широко и с размахом. Даже оркестр пригласили.

Да, действительно, живая музыка наполняет зал легкой, непринужденной мелодией.

– Сколько дочери Серганова? – как бы невзначай кидает Жанка.

– Двадцать пять.

У меня нет никакого желания обсуждать Алию с любовницей. Это какая-то извращенная форма мазохизма получается. Но после ее вопроса впервые задумываюсь всерьез о возрасте дочери друга. Только сейчас до меня доходит реальное положение вещей: когда мы переспали, ей было уже двадцать. И девственница... В голову закрадывается очередной червячок сомнения, который так и грызет изнутри, заставляя шестеренки в голове крутиться быстрее. Почему я раньше об этом не задумывался? Девчонка она красивая, даже очень: утонченная, смелая, дерзкая, да что тут говорить, если у меня на ней просто свернуло башню. Невероятно горя-

чая и... невинна? Может, и ее смелый флирт, и провокационные «выпады» в мою сторону тоже не просто так? Мысль, что не спонтанный это был секс с ее стороны, не дает покоя. Но тогда получается абсолютная чушь: значит, она знала, кто я, так что ли? Ерунда.

– Ау, Артем, слышишь меня? – машет перед глазами ладошкой Жанна.

А я моргаю и понимаю, что нет. Последняя фраза пролетела мимо.

– На вечер, говорю, есть особые пожелания?

– После приема ко мне поедем. Если у тебя планов нет, – бросаю короткий взгляд на спутницу. Приглашаю, связывая себя тем самым по рукам и ногам обещанием. Жанка расплывается в хитрой улыбке, глаза загораются озорным блеском, а длинные пальчики пробегают по груди, подбираясь под ворот расстёгнутой рубашки.

– Сегодня я вся твоя.

Легонько целует в щеку Жанна, а я кидаю взгляд на вновь прибывшего гостя. Гай в клетчатом костюме уверенным шагом пересекает зал, направляясь к нам, попутно перекидываясь приветствиями и рукопожатиями с гостями.

– Думал, не приедешь, – жму протянутую руку друга.

– Решил, что надо тебя поддержать, ты же у нас антисоциальный человек, а я само обаяние.

Мы с Гаевским ровесники. Только если он в нашем тандеме был хороший полицейский, то я был злым. Нет, конеч-

но, контактировать с людьми умел и, на удивление, неплохо находил общий язык, но это дело никогда не доставляло мне удовольствия. Гаевский же расточал улыбки, комплименты и флиртовал направо и налево. Такой рубаха-парень. Начинали мы бизнес вместе, в девяностых. Потом я перебрался в Штаты, а Макс остался в России. Начинал с баров и поднялся до сетки клубов и ресторанов в более чем двухстах городах в пятнадцати странах.

– Смотри, а то растратишь весь запас обаяния, и на любовниц не останется, – ухмыляюсь я, поглядывая на часы. Почти семь часов. Где, интересно, Серганов с женой? И его дочь... с внучкой?

– Познакомить не хочешь? – расплывается Гаевский в улыбке, поглядывая на мою спутницу.

– Жанна – это Макс, Макс – это Жанна.

Друг протягивает руку и запечатляет легкий поцелуй на тыльной стороне ладони моей подруги. Благородный рыцарь, ни дать ни взять.

– Лучший друг этого буки. Очень рад знакомству.

– И мне приятно познакомиться, Максим, – кивает головой Жанна, вызывающе постреливая глазками. Знаю, что в постель моего друга она не прыгнет, должно же быть элементарное уважение к человеку, с которым спишь. Но даже если бы и решила закрутить шашни с Гаевским, меня это несильно волнует. Мы друг другу ничего не обещали. Жанна – взрослая, свободная, сексуально-раскрепощённая жен-

щина и в монахини не подавалась. А Гаевский – вполне себе типичный принц, при смазливой мордахе, деньгах и статусе. Девчонки таких любят.

– Масим! – слышим звонкий голосок, разносящийся по всему залу. Мы дружно, как по команде, поворачиваемся в сторону двери, и сердце ёкает.

Майя. Значит, и мать ее тоже уже здесь.

Малышка в пышном темно-красном платье бежит к нам, семена забавными туфельками по сверкающему мраморному полу, раскинув ручки и смешно тряся кудряшками, собранными в высокий хвост. Такая прелестная, как ангелочек.

Я улыбаюсь детской непосредственности, и только когда Гаевский с гордым видом подхватывает дочь Алии на руки, до меня доходит – что-то не то.

– Привет, принцесса! – смеется друг и расцеловывает зеленоглазку в обе щеки. Отчего та забавно морщится и хочет.

– Пливет, Масим. А муся сказала, что ты не плiediшь.

– Муся пошутила. Как я мог не увидеться со своей красавицей Майей?

– Пливет, дядь Алтем! – улыбается мышка, устремляя на меня свои большие чарующие глаза.

– Привет, мышка.

Я определённо после вчерашних «посиделок» вошел в круг доверия этого ребенка. Она тянет свои ручки и целует

меня в небритую щеку.

– Ты колючий, – выдает непоседа. Спрыгивает с рук Гая и снова мчит к Серганову с Верой, которые не спеша двигаются в нашу сторону.

Тихо и искренне смеюсь, впервые за весь день забывая про всю херню в моей жизни. Хоть кому-то я искренне рад сегодня вечером.

Смеюсь, пока до меня не начинает медленно доходить: Серганов с Гаевским не знакомы. А, соответственно, и дочь его не должна быть знакома с этим любвеобильным ловеласом.

– Ты знаком с дочкой Серганова? – обращаясь к другу, когда ребенок уже на достаточном расстоянии. Пытаюсь сделать непринужденный тон, но получается весьма дерьмово. Кажется, даже рык проскочил. Судя по «теплой встрече» с дочуркой Алией, знаком близко. Осталось понять, насколько и не съездить ли ему в нос. А то странная темнота прорывается в груди, заставляя сжимать бокал с шампанским до боли в пальцах.

– Более того, Алиа – менеджер в «Модис».

«Модис» – клуб Гаевского, в котором я являюсь соучредителем.

– Это ее тебе надо благодарить за выступление «Демонов», – ржет Гаевский, а я уже едва не скрежещу зубами. Ненавижу этих мужланов. Отвратительная группа, дебилские песни. Но народу, что говорится, заходит. Но в данный

момент больше раздражает укол ревности. Мысль, что Гаевский гораздо плотнее общается с Алией, тогда как у меня с девчонкой крайне непростые отношения. Думаю, после вчерашнего она рада бы вообще меня не видеть.

— Увижу, обязательно скажу спасибо.

Жанка, все это время молчавшая, дёргает меня за руку.

– Выдохни, Стельмах. Сейчас взорвёшься, – шепчет любовница.

– Уже.

Наконец наша маленькая компания пополняется подошедшими Димычем и Верой. Я знакомлю друзей, и понимаю, что семья Алии знает о наличии такого, как выразился Димыч, "близкого друга" у их дочери. Тихо продолжаю закипать и делаю мысленную пометку – поговорить с Гаевским. Мы перекидываемся парой фраз, и к нам подходит один из организаторов вечера.

– Все собрались, Дмитрий Михайлович, – кивает Серганову, – Артем Валерьевич, – переводит взгляд на меня, – было бы неплохо произнести речь, и сразу представим логотип новой сети отелей.

Мы с партнёром переглядываемся. Димыч кивает, соглашаясь на эту авантюру первый. Поднимается на сцену с микрофоном. Кивает оркестру, прося паузы, и поднимает бокал с шампанским.

В нашем тандеме был негласный уговор. Я по бумагам, он по связям. Каждый занимает свою нишу. Красноречием

я никогда наделен не был, в отличие от Серганова. Он был признанный оратор и мог часами толкать речи. Да такие, что за душу берут.

Вот и сейчас в зале тишина. Гости прониклись торжественным моментом. Я, как и все, вслушиваюсь в поток благодарственных слов, когда странное наитие заставляет обернуться на вход в банкетный зал.

Сердце падает, пропадая где-то в ногах. Челюсть сжимается, да так, что рискую стереть зубную эмаль в крошку. Рука, на которой повисла Жанка, сжимается в кулак. Девушка неопределённо хмыкает и прослеживает за моим пристальным взглядом.

В зале появляется Алия.

Когда девушка заходит, я замираю. Внешний мир вообще перестает существовать. Я целиком и полностью сосредоточиваю внимание на ней. Стою, как баран, и смотрю на плавные, изящные изгибы стройной фигурки, обтянутые изумительного цвета шелком. Мечтаю провести ладонями и сжать в руках ее хрупкое, податливое тело, прижимая к себе, изучить миллиметр за миллиметром. Смотрю на длинные светлые локоны, которые ниспадают по спине и так и манят запустить в них руки.

Сразу вспоминается сладость ее жадных губ и аромат. Терпкий, сладкий, обволакивающий аромат ее любимых духов. Хоть нас и разделяет огромный зал, но я готов поклясться, что ощущаю его, и тихо начинаю гореть изнутри.

Ей идет все: цвет, образ, взгляд. Она прекрасна. Я, черт возьми, за всю жизнь впервые готов скулить от невозможности взять то, что хочу. И не помог секс с ночной незнакомкой, голод еще сильнее. Он давит настолько, что мне уже становится тесно в этом костюме. Да, сука, и в теле похоже.

– Это кто? – шепчет Жанна, придвигаясь ко мне ближе. Мне отвечать не приходится, потому что активизируется мышка.

– А вот и муся, – улыбается Майя, снова чинно восседая на руках у Гевского, и активно машет ладошками любимой родительнице.

– М-м-м...

Все это происходит на периферии сознания, потому что Алия занимает все мои мысли. Она вливается в зал, как королева, с высоко поднятой головой. Спина вытянута, как по струнке, а руки в изящном изгибе держат подол длинного платья. На губах играет легкая улыбка, а на щеках румянец.

Девушка окидывает взглядом зал, а я почему-в этот момент чувствую острую необходимость спрятать Жанну. Испытываю жуткую неловкость от присутствия любовницы под боком. Херня какая-то.

Глава 17. Алия

Первым делом, стоя на пороге, отмечаю: в зале очень много гостей. Алиса не шутила, когда сказала, что список приглашенных внушительный. И все сто с лишним человек замерли, внимая речи отца.

Подхватываю пальчиками подол платья и захожу в зал, стараясь сильно не стучать каблучками по мраморному полу. Несколько знакомых лиц оборачиваются, кивают в знак приветствия. Я улыбаюсь и выискиваю взглядом мать с Майей.

– Лия? – знакомый тембр голоса сбивает, заставляя обернуться на звук и встретиться с хитрым взглядом бывшего. Да что такое, медом им здесь намазано, что ли? Сначала Егор, теперь вот... Хотя этого человека я рада видеть. В свое время этот парень был для меня поддержкой и опорой.

– Андрей? – шепчу, чтобы не мешать речи отца. – Ты как здесь?

Подхожу к парню в черном костюме и слегка приобнимаю. Ощущаю под ладошкой стальные мышцы и рельефный пресс. Ткань пиджака соблазнительно обтягивает широкие плечи. Он все такой же: на вид грозный дядя, но с добрым взглядом и улыбкой ангела.

– Начальник службы охраны. В дозоре стою, – смеется парень, наклоняясь ближе. Легкий чмок в щечку.

Точно, сейчас замечаю в ухе наушник, рацию и цепкий

взгляд, который даже во время нашего тихого тет-а-тет мониторит зал.

– Давно ты вернулся со службы?

– Примерно полгода назад. Контракт закончился, продлять я его не стал, – взгляд парня моментально тускнеет, а уголки губ опадают. – Тяжело это. Личной жизни никакой, времени на нее просто нет. Тебе ли не знать?

Да, точно. Год, который в моей жизни был самым тяжелым и в то же время самым счастливым – пока была беременна Майей – тогда я познакомилась с Андреем. Случайно, в кругу друзей. С пузиком, на шестом месяце. Парня это не испугало. Сначала мы просто дружили: проводили вместе время. Парень был рукастый и помог мне с ремонтом в тогда еще съемной квартире. Искал огромные пакеты с Ашана и просто был рядом, когда мне нужно было общение. Никогда ни на что не претендовал и не ждал особой благодарности. Просто друг. Но потом, когда Майе было почти три месяца, Андрей сделал мне предложение. Я тогда ответила отказом, как ни крути, а сердце принадлежало другому. Однако у нас завязалось какое-то подобие отношений. Мышку он очень любил, да и она к нему тянулась. Но сердцу не прикажешь. Через год его по службе закинули на тысячи километров от Москвы. На этом наша история и закончилась. Я понимала, что семья у нас вряд ли получится, ему же просто было некогда.

– Знаю, – киваю в знак согласия, – так никого и не нашел?

– Влюбился до безумия. Ради нее, собственно, и бросил

службу...

Рация Андрея оживилась, он прислушался к передаваемому в наушниках и кивнул. Пока отдавал указания стоящим рядом парням, я наконец-то заметила в толпе мышку. Она сидела у Гаевского на руках и активно мне махала, улыбаясь во весь ротик. Странно, Максим-то что делает здесь?

Я подмигнула дочурке, решив, что, раз такое дело, можно и Макса с Артёмом познакомить сегодня. У них точно много общего... но додумать мысль не успела. Пробежала взглядом по «компании» и замерла, неожиданно «спотыкаясь» о зелёные, прожигающие омуты. Растерялась всего на мгновение, когда увидела его. Рядом с Гаем и матерью – Стельмах. Мужчина стоял и смотрел на меня своим тяжелым взглядом, не мигая, напрочь игнорируя речь отца, не сводил с меня своих поразительно красивых глаз. Волнуя и будоража, заставляя сердце учащенно биться. Внутри загорается надежда, когда улавливаю неприкрытый интерес, с которым Стельмах «пробегаёт» по моей обтянутой в шелк фигурке. Огонек в его глазах пущенный стрелой опалает жаром дикого желания. Кровь приливает к щекам, и я сильнее сжимаю сумочку в руке. Будто хватаюсь за спасительный якорь.

Я с восторгом понимаю, что мои старания и мучения в салоне не прошли даром. Его взгляд полыхает, брови нахмурены, а горячие чувственные губы сжаты в упрямую линию.

Он безупречен. Синий костюм с белой рубашкой сидят, как влитые. Подчеркивая великолепное телосложение муж-

чины, обтягивают спортивную, вытянутую в напряжении фигуру. Одна рука Артёма в кармане брюк, вторая с бокалом и... женской ладонью на сгибе локтя. Весь запал счастья и самодовольства потухает. Надежда меркнет, так и не успев разыграться в полную мощь. Следую взглядом по смуглой женской руке. Вверх. Мучительно медленно, с некой долей мазохизма, оттягивая момент крушения последних оплотов обороны моего сердца.

Вырывается рваный выдох, когда вижу обладательницу той самой ладони. Помните, что я говорила, что я хороша? Забудьте. Для него, я, наверное, серая мышь. Потому что его подруга – полная моя противоположность. Настолько не похожий на меня человек, насколько это вообще возможно.

Ее взгляд тоже направлен на мою скромную персону. Лёгкая улыбка превосходства играет на тонких губах.

Она красивая. Под стать мужчине. Высокая, спортивная девушка. Нет, скорее женщина. Лет на пять моложе Стельмаха. И явно не просто знакомая. Любовница? Да, скорей всего. Отец как-то говорил, что есть у него так называемая «подруга», сопровождающая на всех мероприятиях. Жанна, кажется... Чёрт, Лия! Ведь знала, что у Стельмаха кто-то есть. Ни могло не быть. И все равно, знать и видеть – разные вещи. Эта картина давит на плечи невидимым грузом. Хочется вычеркнуть образ знакомой незнакомки и продолжить жить своими глупыми фантазиями. Забыть так и льнущую к мужчине женщину. Хочется уйти, но нельзя. Не могу подвести

отца. Еще и предательское чувство стыда за вчерашнее мгновенно возвращается, опалая щеки жгучим румянцем.

– Мне нужно уйти, Лийчик, – возвращает в реальность голос Андрея. – Давай встретимся на неделе. Кофе выпьем?

– На этой неделе я улетаю в командировку в Стокгольм. А на следующей, почему бы и нет? – киваю головой, сбрасывая наваждение.

– У тебя тот же номер?

– Да. Я, как всегда, сама стабильность, – улыбаюсь, приподнимая уголки губ. Андрей в почти невинном жесте укладывает свою ладонь мне на талию, и я, не удержавшись, бросаю еще один косой взгляд на Стельмаха. Желваки ходят на красивом точеном лице, а глаза мечут молнии в стоящего рядом со мной парня. Замечая мой взгляд, он демонстративно отворачивается. Искренне не понимаю, что происходит. У всегда холодного Стельмаха настроение «шатается», как качели.

– Хорошо, я тебе наберу. Хорошего вечера, Лий. И да, ты прекрасна! – Андрей подмигивает мне и размашистым шагом покидает зал. Отец наконец-то заканчивает свою речь, которую его любимая бессовестная дочь полностью прослушала, и зал взрывается бурными аплодисментами. На экранах запускают презентацию новых отелей – совместный проект Артёма и отца, и я под шум общего ликования иду к своим. Как бы с Артемом и его пассивностью не хотелось встречаться, но выбора нет. Майя ждет, да и Гаевский, которого я не

ожидала здесь встретить, ехидно улыбается.

– Всем привет! – намеренно обхожу подальше от Артёма с подругой, приготовившись напрочь игнорировать эту парочку. – Мышка, ты опять атаковала Максима, – щелкаю свою малышку по вздернутому носику, вызывая залиvistый хохот.

– Масим мне лазлишил.

– Ты чувствуешь, – смотрю на друга, широко улыбаясь, – как она тебя очаровала, присела на шею и весело дрыгает ножками. Ты мне ее разбалуеть!

– Хоть кого-то я должен баловать, – смеется Макс, приблизит меня за плечи и касается в легком поцелуе щеки.

– Как всегда бесподобна, детка!

– Спасибо. Насчет детки мы с тобой уже разговаривали.

Что ты тут делаешь, кстати?

– Тёмыч почти за я... кхм... за шкурку притащил, – кивает мужчина в сторону Стельмаха. – Хватит, говорит, отгулял свое.

– А вы что, знакомы? – вот это новости! Удивленно выгибаю бровь дугой и, забывшись, смотрю на того, на кого собиралась не обращать внимания.

– Меня больше удивляет, что вы знакомы! – резко выдает молчавший до этого Артём. – Давно? – переводит на меня свой тяжелый взгляд с немим упреком. И я впервые вижу его таким... растерянным и злым.

– А что, собственно, вас удивляет, Артем Валерьевич? –

раз уж мы проводим границы, то это моя жизнь. И его она ни в коем разе не должна волновать.

– Тёмьч, мне кажется или ты сегодня не в духе? – посмеивается Макс.

– А он вообще когда-то бывает в духе? – тихонько бубню себе под нос и как бы невзначай кошу взгляд на руку мужчины. – Бокал, – киваю на несчастную посудину, зажатую в его ладони. Мне кажется, я уже слышу легкий хруст стекла.

– Что бокал? – конечно, как иначе он может на меня реагировать? Только рыком. Где-то в сердце больно колет его четко написанное на лице недовольство. Понять бы еще, от чего и чем.

– Треснет сейчас, – встревает наш диалог подруга Стельмаха. Боже, у нее даже голос идеальный. Типичная подруга богатого мужика. Не морщинки, не шрамчика на красивом лице.

Девушка протягивает ладошку и улыбается.

– Раз уж наши джентльмены не торопят нас с вами знакомить... я Жанна.

Нет никакого желания отвечать вежливо. Ревность – страшное чувство, и оно накрывает с головой. Хочется съязвить или сказать какую-нибудь гадость, но я не так воспитана. Поэтому нехотя прерываю наше бодание взглядами с Артёмом и, прежде чем посмотреть на его спутницу, замечаю, как его слегка покорибило от напомнившей о себе подруги.

– Алия, – выходит сухо, но свой тон я разбавляю легкой

улыбкой. На большее, к сожалению, не способна.

– Приятно познакомиться, – а вот девушка пытается быть приветливой.

– Взаимно.

В нашей разномастной компании устанавливается неловкое молчание, которое нарушает появившийся отец.

– Ну, как я?

– Деда, ты клутой! – улыбается Майя и немного разбавляет своим детским лепетом тяжелую атмосферу. Между Гаевским и отцом завязывается беседа, но мы с Артёмом и Жанной упорно молчим. Такое ощущение, что каждый из нас думает, как бы потактичней избавиться от общества других двух. По крайней мере, нам со Стельмахом однозначно неловко в обществе друг друга. Вчерашняя ссора висит жуткой неопределенностью.

– Муть, я хочу сок, – перебивает деда зеленоглазка.

– Идем, солнышко, – подхватываю ладошку соскочившей с рук друга дочурки и собираюсь проводить ребенка к фуршетным столам. Вспоминаю о более чем смелом покрое платья сзади и намеренно разворачиваюсь к мужчинам спиной. Слышу тихий присвист Гая, сопровождающийся покашливанием и тяжелым вздохом другого мужчины. Улыбаюсь, сияя, как начищенная монета. Клянусь, что слышу, как скрежест зубами Стельмах.

Вот так-то, Артем Валерьевич.

Любуйтесь.

Глава 18. Алия

Избегать общества Стельмаха явно не получается, потому что мышка маленьким ужином крутится вокруг мужчин почти весь вечер. Был один любимчик – Гай, теперь стало два. Что самое главное, наблюдаю за ними исподтишка и понимаю, что Артём рядом с дочерью действительно меняется. Чаше мелькает улыбка на губах, особенно когда непоседа несется через весь зал с громким «дядь Алтем!». Вот и сейчас, догоняя свою юлу, перекидываюсь парой фраз со знакомой семейной парой и иду к ребятам, когда на полпути меня перехватывает Макс.

– Лийчик, – уверенной походкой, едва ли не чеканя шаг, стремительно несется ко мне.

– М-м-м?

– Давай-ка потанцуем.

– Что... – договорить я не успеваю, потому что Макс уверенно берет за руку и тащит за собой в уголок банкетного зала, где под медленные и ритмичные звуки пианино кружатся парочки.

– Ты издеваешься, что ли? – рычу я, когда мужчина беспардонным жестом устраивает свою ладонь у меня на талии, прикасаясь к голой спине, втягивает в ритм танца. – Это что за неожиданный выпад?

Что-то не припомню, чтобы Гаевский был большим лю-

бителем танцев. Только если постельных.

– Да там, в дверях, дама знакомая промелькнула, от греха подальше... – неопределенно качает головой мужчина и сильней обхватывает мою ладошку, заставляя крутануться вокруг своей оси. Подол платья колышется и оплетается вокруг ног. Прикосновение холодного шелка вызывает легкую волну мурашек.

– Вот, все твои проблемы из-за баб, Гаевский, – возвращаюсь к разговору, когда уверенно ведущий в танце мужчина снова прижимает меня к себе, кружа под нежную мелодию скрипки и пианино.

– Ой, да ладно тебе, праведница, – ухмыляется наглец и сильней притягивает, захватывая в чересчур тесное кольцо рук, сокращая расстояние до самого минимума.

– Хватит ко мне прижиматься. За такое можно и каблуком в одно место.

– Можно. Но давай-ка, для начала, поговорим о насущном, – улыбается хитрый кот.

– О чем?

– О тебе и Стельмахе. Давай, подруга, рассказывай, что вас связывает, – тон мгновенно теряет всякую игривость и легкость. Взгляд, сводящий с ума многих девчонок, смотрит цепко.

– Отец, – выпалила и глазом не моргнув, – они партнеры, если ты до сих пор не в курсе, Гай.

Эх, вот почему мое тело и сердце остается глухо к этому

мужчине? Как перенастроить «волну», а? Знаю, что если бы далекие три года назад, когда мы познакомились в ночном клубе, я ответила взаимностью, этот Казанова бы остепенился и на руках нас с мышкой носил.

– Так, девочка моя, лапшу на уши бате будешь вешать. Я знаком со Стельмахом с тех годиков, когда ты еще пешком под стол ходила.

– И?...

– И за все двадцать с хвостиком лет я впервые вижу у друга в глазах желание убивать.

– До он вечно хмурый и недовольный, – ухмыляюсь, натягивая любимую маску безразличия на лицо. – Такое ощущение, что каждое утро встает не с той ноги.

– Угу. Или не с той подругой, – легкий намек попадает в цель. Смотрю на Макса, а тот ухмыляется. – Поверь, сегодня особый случай. Убивать он хочет одного человека. Судя по устремленному в данный момент взгляду, больно и мучительно долго.

– И кого, по-твоему?

– Меня.

Еще один выпад и поворот. Да так неожиданно, что едва в ногах не запуталась.

– Ну, а я тут причем? Значит, ты в очередной раз где-то накосячил, друг.

– Угу, когда тебя танцевать вытащил и обнял слишком близко.

– Не неси чушь, – отмахнулась, хотя внутри все снова затрепетало. Может, задела все-таки его каменное сердце?

– Проверим? – не нравится мне эта хитрая ухмылка и томный взгляд. Явно наигранный, но знаю-то об этом только я. Со стороны мы выйдем очень даже «близкими».

– Что ты... – слова теряются совсем, потому что мужская ладонь, перебирая длинными пальцами, опускается на мою пятую точку и уверенно так, бесстыдно сжимает ягодицу. Отчетливо ощущаю жар тела Гая сквозь тонкую ткань платья. Завтра точно будет синяк.

– Лапы убери, идиот! У меня родители здесь... – рычу сквозь зубы. Гай машет головой, наклоняется близко-близко к моему лицу и, посмеиваясь, разворачивается спиной к нашей компании.

– Да не ори, – шепчет в ушко. – Смотри, вон, как принца нашего перекосило.

Выглядываю из-за плеча Макса. Абсолютно уверена: он все слишком преувеличивает. Однако каково мое удивление, когда пересекаюсь взглядом с зелеными, сверкающими праведным гневом глазами Стельмаха. Он действительно прожигает спину друга, напрочь игнорируя беседующих рядом мужчин. Жанны поблизости нет, и он стоит, подобрравшись, словно пантера перед прыжком, наблюдает за нами. Если бы можно было убивать телепатически – Гай уже был бы мертв.

Губы сами собой растягиваются в победной улыбке, и я готова порхать от счастья. Значит, мне не показалось. Теперь

точно уверена – зацепила. Что же это, если не ревность? Уже второй выпад, и все в сторону моего «слишком близкого друга».

– Да, детка, улыбку еще шире, и мы с ним сегодня точно подеремся, – веселится Гай, продолжая и дальше лапать, выводя на моей голой спине незамысловатые узоры. Но мне уже все равно. Его смелые движения меня ни в коем разе не волнуют и не пробуждают страстного желания уединиться. Зато вот бешеный взгляд Артёма – очень даже.

– Не уверен, что победа будет на моей стороне, конечно. Там опыт еще со времен уличных драк идет, и он у него гораздо обширней, но... ради тебя я даже в травмпункт готов заехать на пару дней.

– Хорошо, милый, я готова приносить тебе апельсинчики, – настроение вмиг взлетает выше всех многоэтажек, и я смеюсь, полностью расслабляясь в руках друга.

– Мне сейчас стало в разы легче. Думаю, мои любовницы, вряд ли пойдут ко мне с апельсинами. Ну, не в стандартном понимании этого слова.

– Пошляк, Гай, – хлопаю ладошкой по груди, задираю голову и встречаюсь с его насмешливым взглядом.

– Так что, колоться будем? – веселится Макс. – Что у вас...

– Руки, Гай! Советую убрать! – мы едва не подсакиваем от неожиданности, когда слышим за спиной грозный рык. Как по команде, разворачиваемся к неожиданно появивше-

муся рядом с нами Стельмаху. На меня этот негодяй не смотрит, гипнотизирует взглядом своего лучшего друга. Вот это да, вот это доигрались!

И когда он только успел «подлететь»...

Глава 19. Стельмах

Сил нет и дальше стоять, смотреть на этот театр. Ярость накрывает с головой. Мало того, что в самом начале вечера она мило беседовала с парнем из охраны, а теперь вот... Не понимаю, с какой «радости», но меня задевает такое «тесное» общение между Максом и Лией. Что Гаевский творит? Так откровенно подкатывать и флиртовать с девчонкой, которая ему в дочери практически годится! Да Димыч же разорвет его на хрен. Или я за него. Последней каплей становится ладонь на ее ягодице. В этот момент отчетливо представил, как ломаю нос обладателю упомянутой конечности. Сука, я ему точно сейчас объясню, как делать не надо. И Алия тоже хороша. Прет ее что ли на мужиков постарше?

Извиняюсь перед коллегами и держу курс на зажимающуюся парочку. В пару длинных шагов удается преодолеть разделяющее нас расстояние, и в тот момент, когда эти двое, переговариваясь, разворачиваются ко мне спиной, не могу удержаться:

– Руки, Гай! Советую убрать!

Твою мать, еще чуть-чуть, и я достигну совершенства в умении рычать. Краем глаза замечаю, как Алия едва не подпрыгивает от неожиданности, смотрит на меня своими голубыми, чарующими глазами. Друг в первое мгновение теряется, а потом растягивает губы в наглой ухмылке:

– Стельмах, ты что так подкрадываешься? – как всегда, сама беззаботность и полное отсутствие инстинкта самосохранения.

– Иди, тебя зовут, – стараюсь говорить спокойно и, что называется, держать лицо, но изнутри просто рвет.

– Кто?

– Серганов, Гаевский.

Киваю головой и, надеюсь, по моему взгляду ему понятно, что лучше бы удалиться. А в перспективе вообще к этой девушке не подходить.

– Н-да? Ладно. Лийчик, не скучай. Из этого мистера пингвина собеседник, конечно, так себе, но танцует он неплохо, – подмигивает растерявшейся блондиночке и, хлопнув меня по плечу, капитулирует. Сегодняшний вечер пережить, а завтра надо поговорить с этим павлином. Не хватало еще, чтобы они роман закрутили. Бате Алии такой расклад точно не понравится, а Гай потом на своей шкуре прочувствует могущество этого мужика.

– Ничего не хочешь объяснить? – задирает упрямый подбородок девчонка. Краем глаза улавливаю, как складывает руки на груди, приготовившись вступить в продолжительную словесную войну. Не хочу, не могу на нее смотреть, но тянет. В тысячный раз жалею, что снова ведушь на этот образ. Когда встречаюсь с этим упрямым дерзким взглядом, злюсь на себя. Как зачарованный, готов часами смотреть на тонкие, изящные скулы и полноватые сладкие губы. В ней идеально,

кажется, все. Уголки манящих губ слегка подрагивают, словно их обладательница едва сдерживает улыбку.

Так, возьми себя в руки, Стельмах. Не навороти бед еще больше.

– Что я должен тебе объяснить? – прячу руки в карманах брюк. Чувствую себя сейчас до ужаса глупо. Внутри пожар. В голове дымовая завеса, которая явно мешает думать. Голос ровный, и на том спасибо судьбе-шутнице. Нет, дальше так продолжаться не может.

– Что это сейчас за неприкрытое нападение на Гая было? – слегка щурит хитрый взгляд девчонка.

– Он тебе не пара. Мало того, что он бабник, так еще и старше тебя. Ему на хер не нужна семья.

– Все сказал? Никого не напоминает?

– Все, что тебе нужно знать.

В нашу сторону уже начинали коситься гости приема, мы сейчас явно ходили по очень тонкой грани.

– Зато он не трус.

– Что ты...? – вот кем-кем, а трусом никогда не был.

– Что? – усмехнулась Лия, пронзая мою измученную мыслями о ней фигуру ледяными молниями своего голубого взгляда. – Признайся, что ты струсил, Стельмах. И тогда... – кивает неопределенно головой, но я и так понимаю, к чему она клонит, – и вчера.

– Я за тебя беспокоюсь, дура ты несообразительная. Ты же потом будешь реветь, уткнувшись носом в подушку из-за

неразделённой любви.

Девушка морщится, по лицу прибегает тень.

– А ты ничего не перепутал, Стельмах? Кто ты мне такой, чтобы за меня беспокоиться? – ухмыляется блондиночка и машет головой, от чего светлые локоны пружинят, одна прядь выбивается из причёски и падает на лицо. Я сжимаю ладони в кулаки, удерживая себя от лишних действий. Сжимаю и молчу. Спорить с ней не намерен. Я свою точку зрения изложил, нравится она ей или нет, но Гая и на пушечный выстрел не подпущу. Если так рассудить, с точки зрения Серганова, как отца, наверное, уж лучше я, чем Максим Гавевский. Хоть друг он один на миллион, но семьянин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.